
У свободы есть цена
СДЕЛКА С ВРАГОМ
ДАРЬЯ БЕЛОВА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Дарья Белова

Сделка с врагом

«Автор»
2026

Белова Д.

Сделка с врагом / Д. Белова — «Автор», 2026

Виктор застегивает рубашку, надевает кобуру и снова становится человеком, которого мне следует бояться.— Придумай, как будешь сбегать из дома. И никому ни слова. Даже под угрозой смерти.— А если угрожать будешь ты?Его губ касается короткая усмешка.— Тогда я рассчитываю услышать совсем другое. Стон, например.***Я заключила сделку с опасным человеком. Теперь от него зависит моя жизнь. Но чем дольше тянется наша с ним сделка, тем труднее понять, чего мне следует бояться сильнее: самого Виктора или собственных чувств.

© Белова Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 5
Глава 1. Мишель 6
Глава 2. Мишель 8
Глава 3. Мишель 9
Глава 4. Виктор 10
Глава 5. Мишель 12
Глава 6. Мишель 14
Глава 7. Мишель 16
Глава 8. Мишель 18
Глава 9. Виктор 19
Глава 10. Мишель 22
Глава 11. Виктор 25
Глава 12. Мишель 28
Глава 13. Виктор 31
Глава 14. Мишель 34
Глава 15. Мишель 38
Глава 16. Виктор 42
Глава 17. Мишель 45
Глава 18. Мишель 49
Глава 19. Мишель 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Дарья Белова
Сделка с врагом

Аннотация

— Встречаться будем здесь. Дату и время сообщу заранее.

Виктор застегивает рубашку, надевает кобуру и снова становится человеком, которого мне следует бояться.

— Придумай, как будешь сбегать из дома. И никому ни слова. Даже под угрозой смерти.

— А если угрожать будешь ты?

Его губ касается короткая усмешка.

— Тогда я рассчитываю услышать совсем другое. Стон, например.

* * *

Я заключила сделку с опасным человеком. Теперь от него зависит моя жизнь. Но чем дольше тянется наша с ним сделка, тем труднее понять, чего мне следует бояться сильнее: самого Виктора или… собственных чувств.

#жесткий герой

#невинная героиня, но с характером

#мафия криминал

#очень откровенно! 18+

#эмоции на острие

#серая мораль

Глава 1. Мишель

— Мне, пожалуйста, джин с тоником, — обращаюсь к стюардессе, одарив ее вежливой улыбкой.

— Разумеется, мисс Либорио, — отвечает, слегка кивнув.

Собираюсь вернуться к своим мыслям — меня ждет долгожданная встреча с семьей, — когда шум наполняющегося салона самолета прорезает низкий мужской голос справа.

— Мисс Либорио, — раздается справа низкий мужской голос. Он заставляет меня вздрогнуть. — Если не ошибаюсь, Мишель?

Поворачиваюсь к незнакомцу и слишком долго задерживаю на нем взгляд.

— Мы знакомы?

На вид ему лет тридцать. Ухожен, явно не беден. Не из тех, кто привык в чем-то себе отказывать. На указательном пальце толстое золотое кольцо. Выглядит оно довольно гармонично, хотя не понимаю все эти украшения на мужчинах в виде колец, цепей и прочего. Увитая венами тыльная сторона руки с редкими черными волосами привлекает слишком много моего внимания.

Забываюсь и пропускаю момент, когда стюардесса выносит мне мой напиток. Лишь тихий звон льда в бокале вырывает меня из короткого оцепенения.

Кто бы мог подумать, что я буду глушить *такой* алкоголь?

— Боитесь летать? — доносится до моего сознания приятный мужской баритон. Хриплые нотки, бархатистое «послевкусие», глубокий, завораживающий смех.

Мой вопрос он игнорирует. Остается гадать, знакомы ли мы?

— Предположим, — отвечаю, не слишком вдаваясь в объяснения.

— Не волнуйтесь. Этот самолет взлетит, долетит и сядет в целости и сохранности. Вы едва успеете выпить свою порцию джин-тоника, — губы растягиваются в приветливой, я бы сказала учтивой, улыбке, нацеленной вызвать во мне ответную.

Тон… довольно шутлив.

А мне не до шуток, как бы. Через несколько минут мы окажемся в небе, на расстоянии нескольких тысяч метров над землей.

И я жутко боюсь!

— Ни в коем случае. На рейсе слишком много католиков, — кивает назад. — Уверен, благодаря их молитвам мы и долетим, — произносит вновь насмешливо и подносит к губам бокал с виски. В его взгляде кружат опасные, притягивающие меня огни.

Внимательно разглядываю.

Его верхняя губа тоньше нижней, недельная щетина выглядит ухоженной и будто бы мягкой, а на шее сбоку большая черная татуировка дракона.

— Я думала, самолетом управляют пилоты, а не… священники, — отвечаю после долгой паузы.

Уголки моих губ равнодушно опускаются. Джин-тоник немного расслабляет.

— Наши мысли в этом сходятся. Но я был уверен, что смогу немного вас успокоить, — взгляд мужчины опускается в ложбинку моей груди, где висит кулон. — Виктор, — протягивает большую ладонь. Фамилию не называет.

Этот мужчина точно знает, какой эффект производит на женщин.

Кивнув, перевожу глаза на сложенную газету в кармане кресла напротив. Взгляд цепляется за выделенный отрывок. Как будто кто-то специально отметил его маркером.

«Джинна Гравина — дочь покойного главы дома Гравина — исчезла. Поиски молодой девушки продолжаются. Задействована вся полиция города. Результата пока нет…

Автор статьи И. Дальго».

Имя девушки, моей ровесницы, так же выделяется среди остального текста. Оно словно подсвечивается, так и предупреждая своего читателя быть осторожным и не разговаривать с незнакомцами на борту авиалайнера.

Джинна. У нее светлые, даже золотистые волосы, ярко-зеленые глаза, пухлые губы. И она, скорее всего, мертва.

Это случается постоянно в моем мире. В мире мафиозных семей-кланов, вечной кровной вражды и баснословных денег.

— Что ж, нам лететь два часа, позади меня кучка католических фанатиков, а рядом красивая девушка. Уверен, я прекрасно проведу время. За вас, юная леди, — Виктор поднимает бокал с виски и салютует им, после чего вылизывает пухлую нижнюю губу.

На ум приходит лишь одно слово, когда я смотрю на незнакомца, — *охотник.*

Его зеленые, как свежая виноградная лоза, глаза искрят возбуждением.

Что ж, летать он точно не боится.

— Уважаемые дамы и господа, просьба пристегнуть ремни безопасности. Наш самолет готовится к взлету, — звучит мягкий голос стюардессы, но я все равно пугаюсь и вздрагиваю.

Делаю медленный вдох и выдох, прикрыв глаза.

…Ладонь случайно ложится на подлокотник, и я чувствую под ней горячую руку моего соседа. А взгляд снова притягивается к новости, что так и остается мерцать перед моими глазами.

Джинна.

Моя ровесница.

Пропала.

— Если вам так будет легче пережить полет, я готов пожертвовать своей рукой. Мишель Либорио.

Звучало бы романтично, если бы мое воображение не рисовало движущийся длинный язык дракона с татуировки незнакомца.

Глава 2. Мишель

Самолет приземляется ровно в четыре часа дня. Первыми салон покидают пассажиры первого класса — мы. Я и тот мужчина с татуировкой на шее. Весь полет я пыталась вспомнить, где могла видеть рисунок, но, увы!

Спускаюсь по трапу с осторожностью, но от чужого любопытного взгляда спина просто сгорает. Ужасно хочется обернуться.

К сожалению, оступаюсь…

Мысок туфель цепляется за другую ногу, и я бы могла полететь кубарем. Меня ловко подхватывает сильная рука незнакомца, а над ухом раздается его хриплый голос:

— Впервые не даю женщине упасть передо мной на колени.

От столь горячего комментария краснею. Его пальцы держат мою талию так крепко, что кажется, он действительно способен прожечь ткань насквозь.

— Надеюсь, это была шутка, Виктор, — выдыхаю. Внутри все дрожит от такой запретной близости.

Мягко забираю свою руку из его бульдожьей хватки. Его улыбка постепенно превращается в оскал. Жуткий, но приковывающий взгляд.

— Иначе вы можете ближе познакомиться с фамилией Либорио, — предупреждаю тише, чем хотела.

Наша семья одна из немногих, кому принадлежит Лейквуд-Сити, куда мы и приземлились. Здесь действует большая сеть кварталов, каждый под чьей-то властью. Бизнес — как законный, так и не очень — также жестко поделен. У всех семей имеется общий свод правил, нарушение которых карается.

Поэтому мужчина с татуировкой должен знать, что трогать меня, дочь главы клана Либорио, запрещено.

— Думаешь напугать меня… своей фамилией? — продолжает скалиться.

Его глаза из темно-зеленых становятся болотными. Они утягивает меня на дно, где я чувствую себя беспомощной. Немой.

Пока разглядываю незнакомца, он бросает взгляд за мою спину. Его выражение лица меняется: исчезает оскал, в глазах воцаряется холод. Даже ежусь. И мужчина отступает.

— Если вдруг понадобится помощь, — вкладывает визитку мне в руку.

Он огибает меня, едва задевая костяшками пальцев талию, а я остаюсь смотреть ему вслед.

К самолету тут же подъезжает черный «Мерседес», куда мужчина с татуировкой садится без промедления. В последний миг незнакомец бросает на меня острый взгляд, от которого я чуть ли не падаю.

Остаток лестницы спускаюсь не торопясь. Но не потому, что боюсь упасть, а потому, что ноги еле сгибаются. Я продолжаю чувствовать его взгляд на себе и фантомную близость. Как и парфюм: тяжелый, сладко-мятный, мускусный.

Ускоряюсь только на подходе к своей машине. С заднего сиденья уже вышел старший брат — Итан. Мы не виделись три с половиной года, хотя часто созванивались.

Бросаюсь в объятия, и чувствую небывалое облегчение.

— Ты же не общалась с ним? — Итан смотрит с укоризной, его тон слышится мне пренебрежительно-злым.

Это что, что-то вроде приветствия?

Глава 3. Мишель

Итан кивает в сторону уже отъехавшей машины и, едва обняв меня, тут же чуть отстраняется, будто ища на моем лице ответ — я сама не готова произнести его вслух.

Под ребрами залегло скользкое чувство, дающее мне понять, что о деталях лучше промолчать. Это всего лишь пара брошенных фраз и клочок бумажки.

— Обменялись парой любезностей, — отхожу и обхватываю себя руками.

Взгляд Итана проходится по мне, будто проверяя на повреждения: холодно, цепко, придирчиво. От такого преемника главы клана Либорио хочется выпрямиться и одновременно спрятаться.

Да, брат довольно сильно изменился за это время. Впрочем, как и я.

— Садись. Сегодня вечером ужин по случаю твоего возвращения, — говорит официальным тоном. Привык же командовать.

Как правильная сестра, повинуюсь.

— Эм-м… А кто это был? — хватаюсь за острый край двери и сжимаю его пальцами. Нагретый солнцем металл обжигает кожу, но я будто не замечаю этого. — Ты его знаешь, да?

По непонятной причине в этот момент я испытываю замешательство. И чувство, что не должна была задавать этот вопрос, остро отзывается внутри. Но любопытство оказывается сильнее.

— Он не представился? — с ехидством спрашивает Итан.

Лицо брата краснеет. Признак его назревающей злости.

Чуть подумав, мотаю головой.

— Виктор Грав*и*на. Ты была еще юна, когда его отец убил нашего дядю, а сам Виктор всадил нож в его сына — нашего двоюродного брата. Это было посвящение в Исполнители клана Гравина.

Сглатываю от ужаса. В носу появляется запах крови.

— Татуировка на его шее — знак принадлежности их клану, к семье Гравина. Повторюсь: между вами было какое-то общение?

— …нет.

Итан молчаливо смотрит в мои глаза внимательным взглядом, и мне никогда не понять, какие мысли сейчас бродят в его голове. От этого становится только неуютнее.

— Садись, — приказывает. Сам обходит машину, чтобы сесть с другой стороны.

Я же бросаю незаметный взгляд в сторону, куда скрылась машина Виктора.

Значит, Гравина.

Получается, пропала его сестра Джинна.

Сев в машину, хочу спросить, не причастны ли мы — Либорио — к исчезновению девушки, но в последний момент осекаюсь. Лучше сейчас промолчать. Мне страшно услышать ответ.

Пусть я и была вдали от дома долгие три с половиной года, но я все еще помню, какой жестокой может быть кровная месть. И чуть не забыла, как быстро в этом мире любой случайно заданный вопрос может иметь серьезные последствия.

Глава 4. Виктор

— Я понимаю, что ты Исполнитель, но тебе стоит знать, с кем ты общался у трапа, — хмыкает один из моих помощников. В нашей системе его зовут «подручный».

Мы успели отъехать на приличное расстояние от самолета и несемся теперь к выезду из аэропорта.

— Прекрасно знаю, с кем я общался, — бросаю предупреждающий взгляд.

Подручный Фабио — единственный, кто позволяет себе говорить со мной в таком тоне. Но больше потому, что *я позволяю*. Мы не друзья, но я могу положиться на него на все сто процентов. Он прикроет мою спину ценой собственной жизни.

— Мишель Либорио… — тихо проговариваю и даже сквозь затемненные очки-авиаторы различаю хмурый взгляд Фабио.

Ее лицо сразу показалось мне знакомым. Они с Итаном, ее старшим братом, похожи, да и видел девчонку еще до ее отъезда из города. Правда, ей было лет пятнадцать, и это было около четырех лет назад. Я тогда стрелял в ее отца.

Старик выжил. Моя пуля не задела сердце, и за промах — первый и последний на сегодняшний день — мне здорово влетело от моего отца. Я не имел права промахиваться, нарушил приказ. Наказание было жестоким даже по моим меркам, въелось в память до смерти.

К двадцати пяти годам у меня имелся уже приличный список «побед». К сожалению, Либорио-старший не украсил его своей фамилией.

Отец умер год назад. От инфаркта. Теперь на его месте мой старший брат Габриэль.

Габи — глава клана Гравина.

— Что знаешь про девчонку Либорио? — тихо спрашиваю, почесывая подбородок.

Фаб морщится, точно в него воткнули и провернули нож. Подручный снимает очки и отбрасывает их на сиденье справа. Взгляд светло-карих глаз отражается в зеркале заднего вида с долей осуждения. О таком не спрашивают подручного, и мой вызванный интерес сбивает Фаби с толку.

Только я-то знаю, что парень знает и видит больше, чем нужно.

— Единственная дочь главы семьи Либорио. Сразу после покушения он отправил ее учиться то ли в монастырь, то ли в какой-то закрытый пансион для девочек. Вот, судя по всему, научилась и ее вернули обратно. Слух пошел, что Либорио праздник закатывают в честь ее приезда, что-то затевают. Слишком шумно стало у них, и их вооруженные люди борзо ходят по нашей земле.

Киваю в знак того, что понял.

Оставшийся час до дома мы больше не разговариваем.

Огромное поместье Гравина встречает меня обманной тишиной. На каждой башне имения затаился часовой с оружием, вся территория усыпана камерами — мышь не проскочит. И я уверен, что все члены многочисленной кровожадной семьи здесь. Даже самые раздражающие меня персонажи типа близнецов Маттео и Этторео. Два говнюка, рожденных, чтобы портить все, что наша семья выстраивала десятилетиями.

Не будь в них крови Гравина, я бы задушил их еще в детстве.

— Вчера Матт устроил потасовку в квартале Карлайнов, — Габриэль набрасывается на меня, стоило переступить порог. — Они убили пару их солдатов и подожгли танцпол, где крутились шлюхи. Не наши шлюхи, замечу.

— Мы можем отдать их на растерзание Карлайнов. Пусть делают с ними, что хотят, — отвечаю и, подойдя к бару, наливаю себе щедрую порцию виски.

Вспоминаю, как мисс Либорио лакала свой джин-тоник. В нашем мире, где все бабы от восемнадцати до девяноста предпочитают исключительно домашнее вино, эта… строптиво поступала по-своему. Пока из своих ее никто не видит, как она думала.

Что еще делает Мишель, пока за ней никто не наблюдает? Четыре года вдали от жестких правил чертей Гравина — достаточно, чтобы вдохнуть воздух свободы. *Надолго ли, красавица?*

— Я не могу отдать их Карлайнам, потому что они Гравина, — зло выплевывают каждое слово. Близнецы делают нервы всем. — Преподай им урок. Ты Исполнитель. Научи быть нашими солдатами. Это приказ, Вик.

Габи какое-то время молча пялится в мою спину. Я должен обозначить, что приказ принял, но мои мысли сейчас убегают совсем в другую сторону.

Обернувшись, смотрю на брата исподлобья.

— Что слышно по поводу Джинны? — выпиваю виски до дна, обжигая язык и горло.

— Ничего, — отворачивается и садится в ближайшее кресло, опустив голову в раскрытые ладони.

Исчезновение младшей сестры стало не просто для нас ударом, а настоящим потрясением. Мы впервые не знали, за что хвататься и где вообще ее искать.

Мы были растеряны и злы.

Джинна Гравина редко выходила из дома, из ее увлечений было лишь чтение, музыка и шитье. Сестра последний год увлеклась модой, и зависала на чердаке над своим крылом сутками. У нее и друзей-то не было. Со школы общалась только с одной девушкой. Но она не из наших, обычная, и ничего не знала о том, куда могла уйти Джинна.

В тот вечер ей нужно было срочно забрать какой-то заказ идиотских пуговиц, с ней была охрана; мы нашли их с перерезанным горлом сутки спустя. Джинны нигде не было.

— Ты же думаешь о том, о чем и я? — сажусь напротив.

Наши взгляды встречаются в немом диалоге, который давно было пора озвучить.

— Он вряд ли бы пошел на такой отчаянный шаг. Это глупо.

— Но они единственные, кто мог такое провернуть. Единственные, у кого есть мотив. И их методы…

— *Итан Либорио* скрывает у себя нашу сестру? Пусть это и глупо, но он не идиот. За такое мы объявим войну и припомним каждого члена семьи, кого они убили. Я лично вырежу его сердце за Джинну.

Мы замолкаем, переваривая сказанное. Хочу рассказать, что, встретив его сестру, в голове сложился интересный план, который я обязан обсудить со своим боссом, по совместительству братом. Но к Габриэлю уже подошли по насущным делам.

Мишель — отличное средство добраться до Итана, и… Джинны. Извращенное средство с довольно острым язычком и лимонным запахом джин-тоника. Никогда не понимал этот напиток.

Глава 5. Мишель

Я не знаю, куда деть руки: сидеть с ровной спиной, положив ладони на колени, уже просто невозможно. Четыре года вдали от родного дома давали о себе знать.

— Тебе нужно знать: персонал в доме полностью сменился. Стало больше охраны, а женская половина после ужина не выходит за территорию поместья, — говорит Итан, не отрываясь от телефона и продолжая что-то печатать.

— А что мне в принципе разрешено делать? — спрашиваю несколько раздраженно.

Мне хватило ограничений в пансионе, и я думала, что приехав домой, смогу немного расслабиться.

Итан многозначительно хмыкает. От меня не утаивается, что за «хмыком» спрятано больше, чем брат озвучивает.

— Пока все, что разрешено другим женщинам семьи: рисовать, шить, читать, смотреть фильмы, слушать музыку… Вы можете общаться и выходить гулять за пределы поместья, но только в сопровождении нашей вооруженной охраны.

— Блеск! — запрещаю себе закатывать глаза.

Вспоминаю выпитый джин-тоник. На языке еще играет лимонное послевкусие. Думаю, мое поведение сочли бы за легкий бунт.

— Ты привыкнешь. В этом нет ничего страшного, а вот опасностей и угроз в наш адрес — завались. Я предпочту, чтобы ты сидела и вышивала, нежели валялась с пробитой головой в ближайшей канаве.

Краска отливает от лица, стоит мне все представить.

Итан подпирает своей ладонью мою щеку и мягко, с братской любовью проводит большим пальцем вдоль скулы. Его глаза остаются при этом двумя ледяными айсбергами, о которые можно пораниться.

— К тому же твое пребывание в поместье Либорио ненадолго, — бросает будто бы вскользь и выходит из машины, оставляя меня в полном замешательстве.

Еще одной разлуки с домом не переживу.

Хотя из-за этих правил я быстрее умру со скуки.

— Что значит «ненадолго»? — кричу, но мой вопрос остается без ответа.

Одно из новых правила нашего клана: на вопросы женщин отвечать не обязательно. Защищать, укрывать, прятать — да, а утолять ее любопытство — лишнее. Не удивлюсь, если мой дом станет б*о*льшим заточением, нежели пансион. Там у нас был тайный проход, и мы могли изредка убегать с девочками в ближайший город.

Родное поместье встречает меня прохладой. Толстая каменная кладка и плотные шторы не дают жаре протиснуться внутрь.

Звук моих каблуков разлетается по большому коридору с мраморной плиткой. Пахнет свежесрезанными цветами и лимонами.

— Сообщи о своем приезде, Мишель. Думаю, все в саду, — Итан мягко подталкивает меня к задней двери в конце коридора, ведущей в летний сад — мамину гордость.

Смотрю, как Итан обходит меня и не спеша идет до кабинета, который я помню как место, куда нельзя заходить никогда. Это *территория мужчин.*

Не спешу сразу идти в сад, мне все же нужно собраться с мыслями. В первую очередь сворачиваю на кухню и мою руки. Несколько раз прикладываю их к шее, охлаждая себя.

Все вроде бы так, как и было до моего отъезда. Но и нового очень много. Что именно, пока объяснить не могу. Атмосфера… изменилась. И, конечно, я повзрослела.

Резко распахивается дверь, и я слышу быстрые шаги мужских ботинок.

— На нас напали люди Гравина! — раздается громогласный и злой голос с отчетливым акцентом.

Стакан с водой стискиваю так сильно, рискуя раскрошить тонкое стекло. Притихла затаившейся мышкой, жадно ловлю каждое слово. Этот разговор не для посторонних ушей. Он вообще не должен был быть услышан. Но уже не могу отстраниться, не могу перестать вслушиваться.

— Двое убиты — Марко и Стиви.

— Земля им пухом, — … это говорит отец.

От одного только его голоса все внутри болезненно переворачивается. Последний раз я слышала его четыре года назад. И теперь меня одновременно захлестывают радость и страх — такие сильные, что трудно дышать.

— Мы смогли ранить одного из них, — продолжает тот, что с акцентом. — Это человек *Виктора Гравина*.

От уже знакомого имени живот затвердел, сжался. Но вопреки здравому смыслу, что этот Гравина несет для моей семьи угрозу, я ненароком вспоминаю его желание поддержать девушку с фамилией Либорио перед полетом.

А еще его визитку, которая так и хранится в кармашке под замком в моей сумочке.

Чертовски опасный, чертовски привлекательный.

Зажмуриваюсь, прогоняя навязчивые воспоминания его татуировки, рук и ухмылки.

— Суки! — Итан стучит кулаком по стене. Его голос точно выстрел.

Я вздрагиваю. Стакан падает, разбиваясь. Осколки разлетаются по плитке опасными, острыми ручейками.

Медленно поднимаю взгляд от пола к дверному проему, где на меня уже яростно смотрят брат и отец. Их люди — солдаты — смотрят на меня не просто безразлично, а как будто даже свысока.

— Реши вопрос со свадьбой как можно раньше. Нам необходима поддержка, — говорит отец и, не сказав больше ни слова, уходит.

Глава 6. Мишель

По инерции я забегаю в комнату. Сколько времени меня здесь не было… Казалось, уже на лестнице и в коридорах, по пути к массивной вишневой двери — моей двери, — должно было накрыть теплое чувство.

Но единственное, что я сейчас чувствую, — удушение. Мне не хватает воздуха, пространства, жизни… Сейчас уверена, что годы в пансионе покажутся мне райской свободой по сравнению с тем, с чем предстоит столкнуться в родном доме.

На автомате прохожу в ванную. Здесь по-прежнему, даже расставлены мои любимые средства, только новые, недавно купленные. Включив холодную воду, жадно пью и умываюсь.

Подняв взгляд на свое отражение, нахожу, что от розовых от духоты щек не осталось и следа. Я болезненно бледна, и теперь понимаю причину, почему мне было приказано вернуться домой.

В наших семьях приказы не обсуждаются, не поддаются сомнению, а четко выполняются. Даже чертово замужество за того, кого не ты выбирала. Это вне моего понимания, хотя в глубине души всегда знала — это судьба всех женщин кланов.

Я бы еще какое-то время проторчала под потоками ледяной воды, остужающих мою злость, сочащуюся по венам, — ведь, на минуточку, женщины клана не имеют права, — но слышу стук в дверь. Навязчивый, тройной и слишком громкий, чтобы я подумала о прислуге.

Мама смиряет меня оценивающим взглядом, стоило мне открыть дверь, и проходит внутрь. За ней гуськом тянутся другие женщины многочисленного поместья Либорио.

Тетушка Греви — мерзкая сука, — двоюродная сестра *Магда*, еще сестра *Ария и Анна*. Замыкает незнакомая мне девушка лет шестнадцати, не больше. Она разглядывает всех и вся с нескрываемым любопытством.

— Нам сообщили, что ты приехала. Мы ждали тебя в саду. Итан… — Матушка говорит в своем привычно-прохладном тоне, цепляясь взглядами за что угодно, но не за меня.

Наша разлука была четыре года, и это ее первые слова при встрече.

Иногда мне кажется, что истинное зло семьи Либорио не отец — глава клана, а его жена и моя мать — *Карла Либорио.* Поэтому, когда говорят, что я вылитая бабушка Лилиана, несказанно радуюсь. Она единственная, кто мог дарить тепло и ласку маленькой девочке.

— Я утомилась. Дорога была длинной, хотелось сначала принять душ, — вежливо отвечаю и хватаюсь за ручку чемодана, который уже стоит у входа в мою комнату.

Пока разбираю вещи, все пришедшие женщины смотрят мне в спину. В воздухе из-за напряжения и скопления не самых приятных мне людей натягиваются все жилы в теле. Я чувствую себя струной. Тронь — и я тресну.

— Это неуважение, Мишель. И впредь прошу… — Едва сдерживая свой гнев, цедит сквозь зубы.

Даже не видя матушку, я представляю: ее губы сомкнулись в тонкую линию, а глубокие вертикальные морщинки — что не возьмет ни один косметолог — придают лицу злое, старческое выражение.

— Я слышала разговор о свадьбе, — прерываю, бросив взятое из чемодана платье на кровать.

Мама следит за траекторией падения вещи, ее взгляд темнеет. Тетушка Греви едва скрывает ехидную самодовольную улыбку. Ей всегда нравилось, как меня «ставили на место».

Сестры опустили головы. Только незнакомая мне девчонка не знает, как себя вести. Она нервно поправляет волосы, складки на юбке-шортах, и ее ноздри раздуваются от переживаний и мучительной для нее паузы в разговоре.

— Сейчас нашей семье нужно объединиться с другим кланом, чтобы усилить мощь. Гравина озверели, мы начинаем терять людей. Твоя задача — стать женой Элио Борго. Свадьба состоится через два месяца. Это все тебе еще раз объяснят на сегодняшнем ужине, там ты познакомишься с Элио.

Женщинам нашей семьи сообщали о скором замужестве по-разному.

Мы — не счастливые женщины, идущие под венец с любимым, а товар: нас продают нужным людям в обмен на защиту или помощь. Еще чаще, чтобы усилить влияние, объединить бизнес для большей прибыли и прочее.

Идти наперекор — лишить себя жизни. Поэтому лучше жить под одной крышей с тираном и насильником, чем гнить в сырой земле. Так думает каждая.

— Могу хотя бы узнать, под кого меня подкладывают? — Не удерживаюсь от язвительности.

Внутри все клокочет от несправедливости. Где-то в глубине души я надеялась, что меня это не коснется.

Мама проглатывает мой сарказм, зыркнув на тетушку Греви. Уже к вечеру слухи о моем неуважительном поведении разлетятся по поместью и дальше.

Женщины всех кланов вьют те еще змеиные гнезда и осиные ульи. Закрытый пансион, где я училась, покажется малой каплей ядовитого варева, которое мне теперь придется пить каждый день литрами.

— Глава клана Борго. Сорок три года, вдовец, наследников и преемников нет. Это все, что тебе нужно знать.

Руки опускаются вдоль тела. В грудную клетку словно ударили сильным кулаком, я едва не падаю и не теряю сознание. Сердце отдается болью во всем теле. Новость… убила меня.

Поздно понимаю, что по щекам скатываются слезы на радость тетушки Греви. А матушка, наоборот, злится. Слезы — признак слабости и горя, а я… должна радоваться.

Свадьба с главой клана — это честь для любой девушки. Так, во всяком случае, меня учили.

— Нет! — с отчаянием в голосе говорю и мотаю головой. И это тоже признак слабости — позволять увидеть твою уязвимость.

Уголки матушкиных губ дергаются, но понять, что это было, сложно. Ухмылка? Недовольство? Огорчение? Раздражение?

Она подходит ко мне на шаг ближе. Стук ее каблуков такой громкий, как будто в крышку моего гроба забивают тупые и длинные гвозди. Виски пульсируют от этих ударов.

Замахивается и хлестко бьет по щеке. Моя голова поворачивается, глаза сами закрываются. Во рту появляется металлический привкус.

Ждала ли я этого удара? Да. Карла Либорио не отличается правильными методами воспитания.

Добро пожаловать домой, Мишель Либорио!

— Сегодня вечером ты наденешь свое лучшее платье. Такое, которое будет говорить твоему будущему мужу, что ты готова стать верной женой и подарить ему наследников. Будешь вести себя как правильная женщина, представительница семьи Либорио. Мишель, — громко шепчет.

Ее шепот звонче любых церковных колоколов.

Смотрю, как все по одной покидают мою комнату, не обернувшись ни разу и не сказав слов поддержки. Только последняя девушка, нас так и не представили, смотрит с жалостью, хочет подойти, но голос матушки ее окликает.

Как *правильная женщина Либорио*, девчонка подчиняется.

Глава 7. Мишель

“Сегодня вечером ты наденешь свое лучшее платье”...

Та самая Либорио, о которой мало, кто знает, хочет бунтовать. Именно она и пила джин с тоником, и вела беседу с тем, с кем было нельзя.

А щека вспоминает хлесткий удар и долю унижения.

Перебрав вешалки с многочисленными платьями (практически все новое, купленное без меня, но для меня), останавливаю свой выбор на черном. Оно состоит из корсета и пышной юбки. Подол и край лифа вышиты золотистым стеклярусом. На ноги надеваю обычные туфли лодочки — тоже новые. Волосы забираю в строгий низкий пучок, из украшений на мне висячие серьги-капельки с бриллиантами и тонкая цепочка-чокер.

— Неплохо, — мама отвешивает комплимент, встретившись со мной на первой ступени лестницы.

Женщины Либорио всегда выстраиваются ровным рядом перед входной дверью, встречая гостей. Читай: мужчин. Все улыбаются, воспринимая это за честь.

Я успела забыть, каково это — стоять до часа без движения, пусть и на небольших, но каблуках, и встречать и провожать вошедших мужчин взглядом. Если они приходят со своей женой, дочерьми, то они становятся или рядом, или позади нас.

Разрешено тихое общение. Но в зал для ужина позволено входить только после того, как рассядутся все мужчины клана. Некоторые к этому моменту успевают прилично нажраться виски.

Я еле стою на ногах не из-за усталости и одеревеневших мышц, а от ощущения какой-то искусственности и ненужности. Мы будто витрина кукол. Без чувств, эмоций, движений. Внутри — пустота, пахнущая дерьмовым пластиком.

— Из-за твоего поведения я не успела тебя познакомить, — мать говорит брезгливо, кивая на рядом стоящую девчонку.

Она по-прежнему смотрит на всех и вся со странным любопытством. Одна-единственная — с горящими огнями в глазах.

— Бекка. Дочь твоего дяди. Внебрачная, — выплевывает последнее слово, обрызгивая меня каплями слюны.

Девчонка слабо улыбается. Ее естественный румянец становится ярче. Она сама невинность, и я не про пресловутую девственность — в нашем мире за нее могут торговать и прилично получать.

Я едва заметно киваю и улыбаюсь в ответ. Бекку хочется поддержать. Уверена, это ее первый выход «в свет».

— Бекку привезли к нам несколько месяцев назад, потому что ее мать, — снова выплевывает последнее слово, разбрызгивая свой яд, — умерла. Твои дядя вместе с отцом ввели ее в семью.

Мне жаль.

Я бы опустила ладонь на ее плечо, сжав в знак понимания и поддержки.

— И это честь — стать Либорио, — поворачивается к девчонке и строго смотрит с долей скепсиса и злости.

Чистота крови важна в нашей семье. А мама Бекки, как можно решить, не отличалась ею. Мужчины клана склонны к связям на стороне, внебрачные дети не редкость, но не всех готовы привлечь к семейным делам.

У отца явно есть на нее планы.

Бекка скользит взглядом по моему платью и, наклонившись, шепчет:

— Мне нравится твое платье, — и румянец на щеках девчонки становится совсем пунцовым.

— Спасибо. А мне твое, — подмигиваю. Девчонке и правда нужна поддержка.

Мы остаемся стоять на одной ступени, пока лай собак не извещает о вновь прибывших гостях.

Получив предупреждающий взгляд матушки, понимаю, кто сейчас войдет в эту дверь. В груди гулкими ударами бьется тревога. Начинаю теребить ткань юбки, пока не чувствую, как продырявила ее своим ногтем. Верхний слой черного фатина оказался слишком тонким и непрочным.

Элио Борго входит уверенным шагом, словно этот дом принадлежит ему.

Наши взгляды встречаются. Его холодные глаза быстро кружат по моему лицу и опускаются к ключицам. Чувствую себя товаром на витрине.

— Добрый вечер, Мишель, — безэмоциональным тоном говорит и кивает.

Я словно язык проглотила, тело не подчиняется, потому что явственно ощущаю исходящий от него холод и равнодушие, способные приколотить меня к этой стене, как коллекционную бабочку.

Я за него должна выйти замуж?

— Добрый вечер, — отвечаю севшим голосом.

Борго последний гость вечера, и мы можем следовать в зал, где для нас накрыт стол.

Мое место рядом с моим будущим мужем. Сев, я случайно касаюсь своим плечом его. Его ладонь сжимается в кулак. Элио со свистом втягивает в себя воздух.

— Прошу прощения, — выдавливаю из себя, облизывая пересохшие от волнения губы. Помада исчезла — будто ее и не было.

Ловлю на нас взгляд отца и матери. Им все равно, есть ли между нами искра, симпатия и вообще, можем ли мы быть парой. Конечно же нет. Им важно, чтобы все видели, что наша семья становится мощнее за счет предстоящего брака. И да, чтобы мое поведение было поведением правильной женщины Либорио.

Чушь!

Единственное, что сейчас хочу, это выйти из дома и пойти гулять по городу. Вечер сегодня теплый. В центре наверняка много отдыхающих.

Плотно стянутый на груди корсет больно сжимает ребра. Это чтобы моя осанка была ровной. О дыхании мало кто беспокоится, как и том, чтобы я могла съесть хоть кусочек курицы. Желудок скован и смят до размера малюсенького шарика.

Хотя есть в относительной близости к Элио невозможно. Рядом с ним и воздух тяжелеет, и напряжение витает такое, что плечи, спина и грудь покусаны невидимыми электрическими разрядами.

Я почти не вникаю в разговоры за столом и редко поднимаю головы. Желание по-тихому слиться отсюда становится одержимым.

Но самое сложное меня ждет впереди.

— Потанцуем? — спрашивает Борго, когда зазвучала приятная и медленная мелодия.

Глава 8. Мишель

Киваю, когда из горла рвется четкий ответ — “нет”.

Мне приходится положить ладонь в протянутую руку — холодную, сухую, цепкую. Его пальцы уверенно сходятся на моем запястье, как клешни, и подкатывает тошнотворная волна.

Когда его руки ложатся на мою талию, я быстро вскидываю на него свой взгляд.

Щеки и подбородок гладко выбриты. Я бы сказала, идеально. Прямой острый нос, плотно сжатые губы. Глаза обрамлены короткими черными ресницами. А волосы — черные как смоль — уложены воском так, что ни один волосок не выбивается из прически. Не сказала бы, что Элио Борго красивый, но и страшным его не назовешь. Скорее привлекательный. Однако решающим и отталкивающим для меня становится его ледяная отстраненность с налетом брезгливости. И запах.

Элио Борго совершенно ничем не пахнет — ни парфюмом, ни дезодорантом, ни даже кремом после бритья. Это более чем странно.

— Мне нужен наследник, Мишель. Преемник. Это единственная твоя задача. Выполнишь, и твоя жизнь не будет такой жалкой и несчастной, как у остальных женщин семьи. Сын — гарантия того, что наши семьи Либорио и Борго будут жить в мире и согласии, — говорит сухим голосом, когда я вся покрываюсь потом от его надменности и цинизма.

Вся скудная привлекательность мужчины в моих глазах улетучивается.

— А если не получится? — спрашиваю не своим голосом.

Я пока даже не могу представить, что предстану перед ним голой… И все такое. До мужчины докасалась только дважды. Один раз незадолго до отправки меня в пансион. И это был даже не мужчина, а парень, сын нашего конюха Тристан. Второй раз в самолете — опустила свою ладонь на руку Виктора Гравина.

Укол в сердце я ощущаю до сих пор. Приятный, горячий, запретный.

— Надо, чтобы получилось. Ты молода, здорова. Невинна.

Взглядом ищу Итана, будто брат может мне помочь. Но он лишь смотрит на то, чтобы наш танец был в рамках действующих правил. И уверена, Итан в курсе деталей предстоящего брака.

В этом доме союзников у меня нет, получается?

— В следующие выходные я приглашу тебя на встречу. О подробностях сообщу позже, — его руки отпускают мою талию, и он отходит. Снова будто бы вежливо кивает и возвращается на место.

Музыка продолжает играть, а я, как дура, стоять в центре зала, приковывая к себе десятки пар глаз.

И я делаю то, за что на следующий день точно буду жалеть. Наказания даже для женщин Либорио довольно жестоки. Убегаю и закрываюсь в своей комнате, бросив гостей и не попрощавшись с ними и со своим чертовым престарелым женихом.

Я знаю, что в ближайший час-два никто не постучится ко мне, не ворвется и не оттаскает за волосы за непослушание и нарушение правил. Что мать, что отец заняты гостями. Двоюродные сестры слишком трусливы, чтобы последовать за мной и узнать, что меня огорчило и спросить, в порядке ли я. Итан… Он мужчина. У них еще больше правил. Он же преемник отца!

Но в дверь стучат, а следом она без разрешения открывается, и перед моими глазами, полными предательских слез, стоит Бекка.

— Я сбежала под предлогом поссать. Охереть у вас тут дурдом. Вот моя мать-шлюха поржала бы… На, я принесла тебе пожрать. А из кабинета долбаного папашки стащила вискарь.

Нет, не такая уж она и невинная девчонка. И, может, я погорячилась, что у меня больше нет союзников в доме…

Глава 9. Виктор

Собрание нашей семьи для обсуждения важных дел Габриэль назначает в своем клубе «Grave». Здесь более располагающая обстановка, нежели дома, куда не хотелось бы приглашать всех этих подручных, директоров наших бизнесов, связующих, ищеек и прочую живность.

И главное — здесь есть уютный подвал, где можно пытать предателей. Под шумную музыку и топот сотен ног никто ничего не услышит. После смерти отца Габи закрыл комнату развлечений в доме, чтобы не водить в него всякую шваль. Дом — это крепость, но никак не пыточная и не тюрьма.

— В последнем нападении на Либорио мы потеряли двух парней. Один сильно ранен, — сообщает Лука — человек моей команды, кому доверено было напасть на автомастерскую Либорио, где они устроили цех по изготовлению фальшивых денег. — Сейчас мы готовим еще один отвлекающий маневр.

Скашиваю взгляд на Фабио. Он прислонился к стене, и вид у него скучающий. Ему, как и мне, никогда не нравились эти дурацкие отчеты. Мы привыкли действовать, а не отсиживаться в душном кабинете, пусть даже с видом на стриптезерш.

У небольшого окна извивается одна из дам нашего злачного места. Но, в отличие от нас, она ничего не видит, что происходит за стеклом, хотя прекрасно знает, кем набит кабинет босса и какую власть они имеют.

— Ювелирные салоны, размещенные на границе с нашим пятым кварталом, — их слабая точка. Пошумим там, оставим послания, — предлагает Стефано, один из руководителей группировки «Север».

Габриэль отодвигает верхний ящик стола и достает оттуда сигару. «Откусывает» кончик и прикуривает. Все с замиранием ждут его слова.

Передача власти от отца к Габи далась нам очень тяжело. Не все были готовы служить и подчиняться моему брату. А если ты не согласен, то выход только один — свергнуть его, то есть убить, и занять его место, положив тем самым конец господству клана Гравина на этой земле. Правда, до сих пор это никому не удавалось.

Отец был редкостным подонком, но научил нас главному: власть удерживать любой ценой, даже если это цена — наша душа. Умолчал только, что Гравина лишены ее от рождения, но это детали.

Мы ликвидируем всех недовольных еще до того, как они завопят жалобное: «Пощады».

— Что еще? — Габриэль, затянувшись, спрашивает и скользит ледяным нечитающим взглядом по всем присутствующим.

Не будь он моим братом, я бы опустил взгляд, как и все остальные.

— Нужно больше действий. Нужно зудеть у них над головами как можно чаще и сильнее. Нужно, чтобы они отвлекались то и дело от того, что по-настоящему важно, убирали за нами мусор, пока мы разбрасываем его, двигаясь к главной цели.

— Они тоже не сидят сложа руки, — отвечает самый смелый.

Габриэль широко, но натянуто улыбается. Затягивается кубинской сигарой и выпускает струю дыма в его сторону. Воздух помимо мужского парфюма и пота теперь пахнет сладко-горьким табаком.

— Свободны.

Все моментально покидают кабинет. Из открытой двери доносится клубная музыка, и следом она приглушается, когда последний человек уходит.

Остается только семья: я, Габриэль, близнецы и самый младший Ромеро. Ему едва исполнилось восемнадцать, со дня на день предстоит посвящение. Ну и Фабио, которому я доверяю, моя тихая тень.

— Ты когда найдешь, где этот чертов ублюдок Либорио прячет Джинну? — Маттео берет в руки бокал с недопитым виски и швыряет его о стену за Габриэлем.

Когда-нибудь брат обрубит ему руку за такую выходку. Отец бы давно это сделал. Если бы был жив.

— Вряд ли в своем доме, — Фабио обходит диван, за которым стоял, занимает привычную стойку. — Я уверен, в одном из своих загородных домов, вне черты города. Скорее всего, далеко от Лейквуда. Там, где мы — чужаки. Враги.

— Так найди! Этот! Дом! — выплевывает каждое слово с гневом.

Этторио резко кидается на Фаби, но я успеваю вскочить на ноги почти одновременно с Габриэлем.

Близнецы смиряют нас ненавистным взглядом, кривятся, точно мы — коровье дерьмо на их подошвах, и уходят, громко хлопнув дверью так, что по комнате проносится звон.

Уверен, наутро нас опять известят, что подожжен очередной клуб, оттуда вытравлены голые проститутки, спален ряд машин… Это доставляет близнецам извращенное удовольствие. Иногда становится страшно, что случится, когда те выпустят наружу своих настоящих, откормленных демонов.

— Когда-нибудь я запру их в подвале, — мрачно бросает Габриэль, проводя ладонью по лицу, — а ты будешь учить их уважать старших, в особенности главу семьи. Их босса, господа бога и того, от кого зависят их гнилые жизни! — Тычет в меня указательным пальцем.

Поднимаю брови. От смерти их спасает только кровь. Они — Гравина.

— Но близнецы правы. Надо искать, где Итан Либорио держит нашу сестру, — говорю более спокойным тоном, хотя внутри все дрожит от ненависти к этому ублюдку. И страха за Джинну. Если он только тронул ее хоть пальцем… — Это точно не Лейквуд. Мы обшарили чуть ли не каждый дом и подвал.

Габриэль возвращается к своей сигаре, я допиваю начатый виски, когда в кабинете повисает морозящая тишина. Первоначальный план рассказать о моей случайной встрече с Мишель Либорио отпадает. Узнав обо всем, они мне будут только мешать. Или, чего хуже, править мой план, чего я никому и никогда не позволял.

Пока Итан прячет мою сестру, я буду держать на прицеле его.

— Можно отправить близнецов *«украсить»* витрины ювелирок Либорио, — вставая с кресла, говорю и ловлю на себе чуть насмешливый взгляд брата. — Должна же быть от них какая-то польза?

С Габи мы всегда были на одной волне. Были друзьями, когда в нашем мире этого слова не должно существовать. Потом наши судьбы немного разделились. Он — мой босс, ослушаться его приказа, значит предать его и получить наказание. А я — его Исполнитель. Моя миссия добывать данные… различными способами. Мой любимый — делать это с помощью ножа. Почему-то он всегда вызывает чуть меньше страха, чем пистолет. Зря.

— Отправь. Но проследи издалека. Пусть как можно меньше их рожи сверкали на чужой территории.

Киваю и, не говоря ни слова, выхожу. Фабио за мной. Ромеро тоже оказывается поблизости.

Спустившись на этаж ниже, из зоны шлюхобара в обычный клуб, жестом прошу бармена налить мне виски. Здесь хотя бы не пахнет приторными бабскими духами и потными толстыми телами.

— Близнецы устроят не просто погром, а настоящее бедствие, — неожиданно произносит Ромеро в тот момент, когда один трек сменяет другой.

Его взгляд равнодушно скользит по толпе.

— И ты намекаешь на то, что отправлять их туда — ошибка? — прищуриваюсь.

Перелет дает о себе знать — с каждой минутой моя голова тяжелеет, будто ее кто-то варварски окунает в расплавленный свинец. В шее одеревенела каждая мышца.

— Я… могу пойти с ними, — стреляет взглядом, в котором я узнаю восемнадцатилетнего Габриэля.

Хмыкаю. Будто Ром в силах удержать неуправляемые нравы близнецов.

Опрокидываю в себя виски и с грохотом ставлю стакан на деревянную столешницу. Толпа танцующих передо мной извивается в танце. Наш клуб считается одним из самых популярных города, даже не квартала.

— Обсуди это с Габи. Ты уже достаточно взрослый, чтобы говорить с боссом один на один, — подмигиваю.

На сегодня мой день официально закончен.

От усталости ноги еле волочатся. Я не спал больше суток, и сейчас готов провалиться в сон на ближайшей плоской поверхности.

Выхожу из клуба, оставляя Ромеро разбираться со своей внезапной родившейся идеей, и Фабио, который негласно следит за порядком на территории клуба — не стрипа. Тот этажом выше, и является более закрытой частью заведения.

На улице воцарилась вечерняя прохлада, воспоминания подбрасывают картинки шеи Мишель, покрытой тонким слоем испарины. В самолете было душно, а прилетев, нас опалил полуденный зной.

Встав у края дороги, достаю пачку сигарет из заднего кармана брюк, прикуриваю. Прикрываю на миг глаза, чувствуя, как никотин растворяется на языке горьким пятном.

А потом за моей спиной раздается взрыв. За ним десятки выстрелов, визги, звуки глухих ударов и снова стреляют, стреляют, стреляют…

Глава 10. Мишель

— Мне из-за тебя точно попадет, Бекки, — ворчливо шиплю в спину своей двоюродной сестры, пока мы пробираемся вдоль глухого забора с северной стороны дома.

В память въелась информация, что эта сторона не так усеяна камерами и охраной, как три другие. Бекки потребовалось куда меньше времени, чтобы это выяснить.

— Зато развлечемся. Ты вернулась домой после длительного отсутствия, а тебя даже не встретили как полагается. Ни вечеринки, ни бухла нормального. Усадили за стол со старперами и принудили танцевать под музыку прошлого столетия. Мрак!

Если бы не дико колотящееся сердце и волнение, стягивающее всю грудную клетку, я бы засмеялась.

Бекки мастерски сбила меня с толку, заливая о своих планах на этот вечер. Она действовала как продуманная цыганка, а не дочь мафиози. Гипноз или что-то вроде того. Не получилось даже мягко отказаться от секретного предложения сестры сбежать и «оттянуться».

Банально хотелось просто сделать вдох! Столько информации свалилось за последние шесть часов, что я от нее просто начала задыхаться. Во время учебы в пансионе не чувствовалось такой душной клетки, как здесь, дома.

Запасной выход стоит на сигнализации, но Бекки удалось выяснить код. Она им пользовалась не раз, хотя он меняется раз в неделю, если не чаще.

— Проследила за одним охранником, — поясняет, когда мы ныряем за ворота и тихо закрываем за собой дверь. По-хорошему, этот проход — брешь в системе охраны, и надо сообщить отцу. Но меня назвать правильной и послушной женщиной Либорио не получается.

Перед глазами от бурных эмоций разлетаются звездочки. Стыдно признаться, что я на грани обморока. Никогда не думала, что могу быть настолько смелой и безрассудной.

— И что дальше? — Отбежав метров сто и зайдя за дуб, прислоняемся к стволу дерева.

От бега колет в боку. Страх быть пойманной начинает стучать в висках и заполнять собой голову, точно соломой.

— Поймать попутку до города. Сегодня вечером классная программа в «Grave», — говорит.

Глаза Бекки светятся ажиотажем. Она явно испытывает несравненное удовольствие оттого, что нарушает правила. Не впервые. И еще большим восторгом загорается, что ее никто не смог пока поймать. Да… Пока.

Я прикладываю ладонь к влажному лбу. Спина липкая от пота.

— Попутка? Ты в своем уме? — разворачиваю ее к себе. — Ты хоть слышала об исчезновении Джинны Гравина?

Бекки закатывает глаза и шагает дальше к перекрестку с шоссе. Если только осмелится остановиться машина охраны Либорио — нам конец. Я мигом вспоминаю все виды наказания и гнев матушки.

Но после моего побега из-за стола она вряд ли зайдет ко мне в комнату пожелать спокойной ночи (никогда этого не делала). Сейчас я буду только рада. Не сказать, что я так уж и скучала по родительнице.

— Подожди! — кричу, но стараюсь делать это тихо.

Остается надеяться, что Итан слишком загружен работой, чтобы проверять мое состояние. Он все же мужчина и многое не понимает.

— Ее похищение — дело рук врагов Гравина. Это же очевидно, — ее темпу можно позавидовать. — А враг моего врага — мой друг. Нам ничего не угрожает, — говорит уверенно. Хочется ей поверить.

Все же я как поплавок болтаюсь между привычной жизнью в пансионе и домом. Сознание о предстоящих переменах не успели дать корни в моей голове, как и серьезность моего положения — все будто не со мной.

Вместо попутки я убеждаю Бекки вызвать такси.

— Если мне не изменяет память, транспортная сеть, включая все таксопарки, поезда и автобусные компании принадлежат Моретти, — объясняю новоиспеченной родственнице. — Мы с ними никогда не конфликтовали, и вряд ли нам грозит смертельная опасность, узнай во мне кто-то дочь главы клана Либорио.

— Замечательно. Ты мне будешь рассказывать, как устроен ваш мир, а я покажу тебе другой — там, где свобода.

Нас довозят до самого известного клуба города. На входе собралась очередь, мы занимаем свое место в конце и медленно двигаемся вперед. Я то и дело оглядываюсь, и не сказать, что сейчас полна решимости повеселиться и отметить свой приезд. Больше. Скорее всего спустя минут тридцать я пожалею о своем решении сбежать из дома.

Бекки же стоит и пританцовывает.

Громкая музыка льется из открытой двери. Ударные и биты вколачиваются в голову гвоздями, не вызывая ничего, кроме боли и тошноты. Я вспоминаю, что из-за встречи с Борго ничего не ела, кусок не лез в горло. Моя тошнота вызвана голодом, желудок будто присыхает к позвоночнику, прося хоть крошку.

— Час, Бекки, и нужно будет возвращаться.

— Скучная все же ты, Мишель Либорио, — надувает губки.

— Я ношу эту фамилию куда дольше твоего и знаю, чем может грозить нам такая вольность, — говорю как настоящая старшая сестра. Итан бы мной гордился. Но, надеюсь, об этой вылазке он не узнает.

— Час так час… — цыкает.

И как только отца угораздило взять ее под свое крыло?! Зачем-то ему понадобилась Бекки, и мои мысли на этот счет отнюдь не самые оптимистичные. Трех лет вдали от дома недостаточно, чтобы забыть: Либорио никогда ничего не делают просто так. За всем этим что-то стоит.

В зале танцующих больше, чем я себе представляла. Публика разношерстная, все довольно откровенно разодеты, особенно девушки.

Нет, я не ханжа. Я слежу за модой, могу надеть короткие шорты с топом и не считаю себя монашкой. Пансион был закрытым учебным заведением, но он не монастырь и не тюрьма. Правда сейчас то ли от усталости, то ли от переизбытка волнения мне неприятно здесь находиться. Я как белая ворона в вечернем платье.

В отличие от Бекки, которая сразу же бросилась в центр танцпола, чувствую здесь себя не в своей тарелке. Завожу на телефоне будильник, чтобы ровно через час мы смогли вызвать такси и, пробравшись через северный вход, оказались каждая у себя в комнате.

Но планам не суждено было сбыться.

В самой гуще танцпола, возле сцены, где диджей вертит пластинки, раздается взрыв. Вверх устремляются клубы дыма, воздух пропитывается паленым и кислым привкусом. Люди один за другим разбегаются.

А потом выстрелы. Много.

Руки сами тянутся к ушам, чтобы прикрыть их. Толпа превращается в единое обезумевшее стадо, топчущее все на своем пути в попытке спастись. Кто-то толкает меня в плечо, и я падаю. По моим рукам проходятся. Один раз, два, пять, десятки… Боль разрезает жилки, вскрикиваю, но мой крик тонет в хоре таких же обезумевших голосов.

— Бекки! — кричу я, понимая, что шанс быть замеченной в этом аду равен нулю. Но я не замолкаю, продолжая звать сестру, пока обстановка вокруг накаляется.

Выстрелы не прекращаются. А потом я вижу кровь на своих руках.

Липкая, горячая жидкость кажется неестественно черной в свете стробоскопов, которые то выхватывают из хаоса искаженные лица, то гаснут. Я чувствую парализующий холод, который вползает в самое сердце. Моя ли это кровь? Или я коснулась кого-то, кто не успел увернуться от свинца?

Кое-как поднявшись на ноги, иду за толпой.

Захлебываюсь воздухом, в котором больше гари, чем кислорода. Кажется, начался пожар.

В какой-то момент свет гаснет окончательно. В наступившей абсолютной тьме обостряется слух: слышен звон разбитого стекла, тяжелые шаги по кафелю, чьи-то голоса, выкрикивающие незнакомые имена.

Мой конец наступит раньше, чем я доберусь до дома.

Оказавшись в широком коридоре, застеленном людьми, я замираю и хватаюсь за сердце. Здесь много крови. Ее запах такой концентрированный, что у меня сводит живот.

— Мишель? — слышу свое имя и, остановившись, кручу головой. Кто-то тут же врезается мне в спину и большая сильная рука отшвыривает от меня чью-то тушку, пахнущую потом и алкоголем.

Первое, что вижу сквозь пелену пыли и хаоса, — мужские губы. Знакомые, чуть изогнутые в насмешке, хотя обстановка точно этому не способствует. Вокруг — сущий ад, руины и свист пуль, но это выражение лица кажется непоколебимым, словно он — царь хаоса.

Затем прямой нос и темные глаза цвета ночной лесной зелени. В самую последнюю очередь взгляд цепляется за татуировку.

В голове происходит болезненный щелчок. Какого?...

— Виктор? Виктор Гравина? — спрашиваю с неприязнью. Понять бы еще, откуда она взялась, потому что сам Гравина это чувство не вызывает точно. Скорее, смущение, интерес.

— Ты одна?

Резко переходит на «ты». Сейчас не до вежливости и церемоний.

Замечаю, что ворот его рубашки в крови, на щеках бордовые брызги. А взгляд…

Надо бежать. Я пытаюсь отступить, но он бесцеремонно хватает меня за предплечье и как пушинку выводит из клуба.

Глава 11. Виктор

Мишель Либорио…

Девчонка не кричит, не заходится в судорожных рыданиях и не пытается броситься прочь из клуба, окутанного едким дымом и грохотом выстрелов, — это была бы понятная и объяснимая человеческая реакция. Но ей чертовски страшно.

Мишель дышит надрывно и смотрит на меня в упор.

Видок у меня, конечно, не для чувствительной женской натуры, даже если эта натура рождена в семье мафиози. На моих руках кровь. Много крови. Пришлось разобраться с теми, кто подбирался к кабинету Габи. Как Исполнитель я обязан защищать своего босса ценой своей жизни. Габриэль, правда, никогда это не оценит, но таковы правила.

Услышав выстрелы, я нырнул обратно в клуб и кинулся к кабинету своего босса. Зайдя к Габи, обнаружил троих с перерезанным горлом. Один — дело рук Ромеро. Его первое сознательное убийство. Настоящее посвящение.

Внизу началась потасовка. Наши люди и, скорее всего, люди Либорио. Если бы они знали, что здесь будет дочь их босса, были бы они так внезапны и голодны до крови? Уверен, что да.

Вытираю лезвие ножа о рукав рубашки и засовываю его в ножны, закрепленные на икре. По большому счету мне должно быть все равно, что мой вид и кровавый нож могут напугать Мишель. Но я делаю именно то, что от меня меньше всего ждут: улыбаюсь. Моя самая нелюбимая маска.

— Ты одна? — смотрю за спину.

На полу десятки трупов. Это обычные люди, жители города, не имеющие никакого отношения к нашему миру. И так вышло, что они оказались в мясорубке между лезвиями двух враждующих кланов.

— Там моя сестра. Бекки, — говорит уверенно, хотя голос выдает испуг.

Бекки? Что еще за Бекки?

Вытерев щеку от брызг крови (Мишель часто на нее поглядывает), хватаю Либорио за предплечье и силком вывожу из клуба. Хватка у меня сильная, профессиональная, теперь думаю, что на светлой коже останутся следы. Надеюсь, девчонка догадается их замазать. Она еще сопротивляется, упирается ногами и твердит про свою сестру**,** не переставая. Сжимаю крепче, как взбесившуюся кошку.

Моя машина через дорогу в переулке. По сравнению с тем, что творится у клуба, здесь тишина и полумрак. Звуки ее каблуков и моих ботинок отражаются от кирпичных стен соседних зданий. Я наступаю в какую-то лужу дерьма и громко ругаюсь, чем пугаю Мишель. Хватка слабеет, девчонка вырывает руку. Но с места не срывается за своей этой Бекки, а потирает место захвата. Смотрит… как на врага. *Настоящий взгляд Либорио.* Он царапает и будит во мне голодного зверя Гравина.

В самолете она смотрела на меня по-другому, и сейчас мой интерес к этой девке усиливается.

— Тебе стоит говорить, что вы зря приехали в клуб? — открыв машину, достаю из бардачка пачку сигарет и прикуриваю одну. — В клуб Гравина?

Сильно затягиваюсь, истлевая сигарету сразу вполовину, и выпускаю струю дыма в сторону, не отводя глаз от нашей гостьи.

Взгляд Мишель переносится на мои губы, следом на татуировку. И Либорио отступает, сделав крошечный, едва заметный шаг, после которого усмехаюсь про себя. Неужели не знала, кому принадлежит это заведение?

— Не стоит, — хрипло отвечает.

Она обхватывает себя руками, когда ее начинает колотить от внутренней дрожи — последствия стресса. Изучающе смотрю на нее такую беззащитную, хрупкую в полной моей власти — мы же здесь одни — и испытываю странное удовольствие. В моих силах сейчас запереть ее где-нибудь. Там, где ни один солдат Либорио не найдет. А потом обменять на Джинну.

Я также могу приставить нож к ее горлу и одним движением перерезать его. Мишель не успеет и вскрикнуть. Все произойдет быстро, она и не заметит.

— Садись, — киваю на машину, бросив бычок под ноги.

Мишель с подозрением косится на мой тонированный «Мерс». Все-таки чувство самосохранения у девчонки еще осталось. Я же в извращенной манере хочу, чтобы она смогла от меня сбежать. Любой было бы ясно, я — опасность, несмотря на то, что дал свою визитку со словами о возможной помощи.

— Ты отвезешь меня домой?

— Нет. Сейчас все дороги в нашем квартале перекрыты. А светить машину с тобой в салоне я не хочу. Да и на вашей территории мне появляться не стоит.

— Тогда зачем мне садиться?

Позади нас снова взрыв. Рефлекторно наклоняю голову, Мишель опускается на корточки.

— Чтобы тебя не грохнули случайно, — схватив ее снова за предплечье, подтягиваю к себе и говорю ей в губы. Она приятно пахнет цветами и немного кровью.

— А ты… найдешь Бекки?

Да заколебала она с этой сестрой.

Мне плевать на нее!

Завожу двигатель и со свистом срываюсь вдоль узкой улочки. Не думал, что Мишель попадет ко мне в руки благодаря своим же солдатам — людям клана Либорио, обученных сражаться за эту фамилию, убивать и служить до последней капли крови.

Разборки в «Grave» — хорошее алиби для меня, чтобы я мог заняться Мишель Либорио. Хаос, играющий на моей стороне шахматной доски, и, кажется, я ставлю первый «шах».

— Что я получу взамен? — бросаю насмешливый взгляд.

Девчонка вся подбирается, колени сводит, ладони сжимает в кулаки до натянутых жил. Я даже слышу ее напряженное дыхание, которое отчего-то меня веселит. Тянет предложить джин с тоником, чтобы расслабить Мишель.

— Мою благодарность.

— И все? Этого мало.

— Этого достаточно для джентльмена, — твердо отвечает, но я все равно знаю, что Либорио невыносимо напугана. Возможно, сейчас в ней страха еще больше, чем было внутри клуба, когда отовсюду были слышны выстрелы и пахло гарью.

— Но я не джентльмен, — отвечаю, не посмотрев на свою пассажирку. — Я Виктор Гравина. Твой враг.

— Который давно бы меня уже убил, если бы он был так одержим жаждой мести, — говорит смело. Ее рука тянется к шее и почесывает чувствительную от пота и слоя гари кожу.

Подавляю рвущуюся изнутри улыбку.

Эта девчонка не такая забитая, как все девицы Либорио. Хотя я это еще понял там, в самолете. Сейчас лишь убедился, как и в правильности своего плана. Мишель ценный кадр для своей семьи, а для меня — удачная пешка.

— Незаметной из города тебе сейчас не выбраться. Если ты не хочешь заявиться домой через главный вход. Я правильно понял?

Мишель отворачивается к окну чуть ли не всем телом. Юбка ее платья слегка задирается, демонстрируя мне округлые бедра и глубокий порез с уже запекшейся кровью.

— Тогда помоги… спрятаться. И найди Бекки! — прозвучало, как, мать его, приказ! Со мной Габриэль так не общается, как эта девка Либорио.

Взгляд полосует по моей щеке, в то время как я от злости, не нашедшей выхода, сильнее сцепляю руль, представляя, что это тонкая шея Мишель, пахнущая летним садом.

Глава 12. Мишель

Мы проезжаем несколько улиц с трущобами и старыми, покосившимися от времени домами. Жуткое место — хочется попросить своего «спасителя» вдавить педаль газа поглубже.

Такие районы считаются нейтральной зоной: они не подчиняются ни одному мафиозному боссу. Здесь свои законы и свой *Капитан.*

На этих улицах крутится девяносто процентов всего «серого» бизнеса. Тут и притоны, и шлюхо-бары, и подпольные оружейки, и цыганские таборы, и бои без правил. Все, чем черен этот мир, спрессовано на паре-тройке кварталов.

Виктор тормозит у высотки в сердце района Гравина. Улица с однотипными домами здесь самая дорогая. Тут живут люди, работающие на фамилию “Гравина”. По крайней мере, так было до того, как я уехала в пансион.

— Если будешь меня слушаться, никакая опасность тебе здесь не грозит, — Виктор с одного взгляда считывает мою тревогу. — Все либо в клубе — устраняют последствия нападения Либорио, — он выделяет фамилию голосом, — либо в поместье. Спят. Мы здесь одни, Мишель.

Это пугает до тошноты. И до отвращения неприятно, когда чужой человек читает тебя как раскрытую книгу.

— И снова почти благородно, Виктор Гравина, — говорю пусть и нетвердым голосом, но с язвительностью.

— В самолете ты показалась мне милее, — хмыкает, принимая равнодушный вид.

Мы выходим из машины одновременно. За спиной щелкает сигнализация, я вздрагиваю от громкого пищащего звука.

Оглядываюсь. Тихо. Безлюдно. Через шесть часов улицы заполнятся людьми Гравина — опасными, вооруженными, безжалостными солдатами.

Если только отец узнает, куда я сунулась по доброй воле, мне грозит страшнейшее наказание из всех возможных. Побег в клуб покажется детской шалостью.

Плетусь за Виком, как трусливая собачонка на поводке. Молча проходим вращающиеся двери, направляемся к лифту, и кабина открывается раньше, чем Виктор вообще успевает нажать на кнопку вызова.

Он прикладывает карточку-ключ к панели, и мы плавно движемся на самый верх. Внутренности подпрыгивают к горлу, а ноги будто отрываются от пола. Все, о чем я сейчас могу думать, это замкнутое пространство, враг по правую руку и его квартира.

Как часто он сюда приезжает? Зачем, и… с кем? Виктор — видный мужчина, у него наверняка есть любовница. Может, даже две или три. Сложно представить, что он встречается с ними в гостинице. Это как-то не вяжется с образом Исполнителя клана — шастать по казенным домам.

Мысли о Бекке полностью покидают мою голову. Когда речь идет о своей безопасности, жизнь других, даже близких откатывается далеко назад. К тому же двоюродная сестра прилично меня подставила с этим походом в клуб.

Начинаю злиться на нее и на себя за неосмотрительность. Вот куда может завести внезапный порыв проветриться и снять напряжение после долгого дня.

— Когда я просила спрятать меня, я не имела в виду твою квартиру, — сняв туфли, боязливо прохожу по коридору в большой зал. Оттуда открывается вид на половину квартала, принадлежащему Гравина.

— Я устал и мне надо смыть кровь. Или ты хотела поехать ко мне в поместье? — усмехается.

Его взгляд продолжает меня сканировать. Меня, мои реакции, язык моего тела.

Не сразу, но качаю головой.

Босыми ногами дохожу по прохладному полу до окна. Вдали тянется клуб дыма — клуб «Grave». В носу тут же воссоздается запах гари, а в ушах — автоматная очередь.

Звук сирен пожарных машин едва пробивается сквозь толстые стекла. Поворачиваю голову направо и различаю очертания запретного района. Он выделяется своей чернотой, и от этого страх разрастается в теле колючим терновником. Даже ехать на большой скорости по тем улицам было страшно. Не дай бог оказаться там снова.

В отражении не сразу замечаю тень за спиной. Виктор подошел бесшумно. Он успел снять окровавленную рубашку. Жар от его кожи бесцеремонно касается меня и оплетает со всех сторон.

Меня начинает бить мелкая дрожь, дышать становится тяжело. Надо бы попросить его отойти. Вик не трогает меня физически, но я все равно чувствую, как он гладит меня: взглядом, дыханием, своей властной аурой.

— Почему ты мне помогаешь? — не своим голосом спрашиваю.

Глаза приковывается к темному району, а вокруг него в окне очертания широких плеч Гравина. Как символично.

— В самолете, в клубе, сейчас…

— А почему ты принимаешь эту помощь и даже просишь о ней?

— Когда человек задает вопрос, он рассчитывает получить ответ, а не обратный вопрос. Ты лезешь вне очереди, — пробую повернуться, но лишь плечом задеваю твердую грудную клетку Вика. Краем глаза цепляюсь за множественные затянувшиеся шрамы. Сколько им лет?

— Ты на моей территории, Либорио. Я могу не отвечать на твои вопросы и задавать свои.

— Ты также мог сдать меня своим солдатам. Или взять в заложники в обмен на что-то стоящее для Гравина. В войне все средства хороши, так?

— Для женщины ты много говоришь, — его слова грубые, в отличие от тона. Он-то довольно мягкий и прозвучало больше как насмешка.

Мужчины!

— А для врага ты слишком добрый… — Прищуриваюсь и изучаю его лицо, полностью обернувшись. Осталось не замечать, как моя грудь упирается в его. Дыхание в момент участилось, а пульс предательски ускорился.

— Это оскорбление, ты в курсе? — его голос стал бархатистее, ниже.

Виктор сглатывает, и взгляд сам падает на его шею и острый кадык.

— Не хотела тебя обидеть. Где я могу переночевать? — меняю тему.

Отойти от Виктора не получается. Какая-то невидимая сила удерживает и связывает меня с ним.

— Квартира в твоем распоряжении. Я лишь воспользуюсь душем и уеду.

— П-почему?

— Ты дочь врага, Мишель. Не думаешь же, что буду отчитываться?

— Я не это имела в виду.

Отчего-то краснею. Гравина без проблем отошел от меня, и я могу беспрепятственно рассмотреть его спину. Она вся тоже усеяна шрамами. Здесь не только ножевые, но и пулевые. Но это нисколько не отталкивает, даже где-то зарождается противоречивое желание потрогать давние ранения и почувствовать, насколько кожа в тех местах рельефная. И горячая?

— Сюда никто не войдет, Мишель, — с раздражением отвечает. — Утром приедет мой человек. Он отвезет тебя на границу кварталов. Дальше справляйся сама. Ты же немаленькая девочка. Из дома сбегаешь, джин с тоником пьешь…

Надо бы поблагодарить, но я как в рот воды набрала. Понимание, что останусь одна в квартире, где в любой момент может нагрянуть кто-то из Гравина, вселяет первобытный ужас. Это я с Виктором немного осмелела, хотя и здесь стоит быть осторожной.

Вик молча уходит в душ. Остаюсь стоять как вкопанная, обхватив себя руками и уставившись взглядом на дверь ванной комнаты.

Гравина вскоре выходит с обернутым вокруг бедер полотенцем. Совсем не стесняясь меня, снимает его и достает из шкафа боксеры. Следом снимает с вешалки брюки и чистую рубашку. Я для него перестаю существовать, когда сама смущена до предела.

Вид подтянутой задницы Виктора Гравина еще долго будет жечь мои веки, стоит их прикрыть.

Полностью одетый, он останавливается у самой двери и в одно мгновение разворачивается и направляется в мою сторону. Не успеваю сделать вдох, как губы Виктора накрывают мои. Язык грубо расталкивает их и проникает глубоко. Это и поцелуем сложно назвать. Быстро, властно, грязно.

Его пальцы сцепили мой подбородок, оставляя следы, а твердые губы — отпечатки. Кожа пропитывается запахом мужского геля для душа: сладкий ментол. Внутри все клокочет от наглости и жара, что вспыхнул, едва губы врага оказались на моих. Тело обмякает, душа вылетает. Или Вик ее высасывает.

— Я не давала свое разрешение, — запыхавшись, произношу и пытаюсь ударить мужчину своим гневным взглядом.

— Это плата за спасение, Либорио. Я предупреждал: благородства во мне ноль.

Он уходит, окатив меня быстрым взглядом — ни тепла, ни любопытства. Один только расчет. Дверь хлопает, и я дергаясь всем телом.

В душ иду не сразу. Створки кабины еще покрыты каплями воды, а воздух пропитан чужим, мужским запахом. Никогда раньше не мылась после мужчины — и чувствую себя странно. В этом есть что-то запретное, жгучее, о чем не признаешься и не скажешь вслух.

Засыпаю не сразу. Выбираю для сна диван в зале. Приходится выхватить с нижней полки шкафа плед и подушку — с кровати взять не решаюсь.

Меня вырубает быстро, будто вокруг распылили снотворное. Снится что-то безумное, в духе сюрреализма. А из сна вырывает звук кофемолки: резкий и громкий. Совсем негостеприимный. Хотя я далеко не в гостях, так?

Притянув плед к груди — на мне все еще вечернее платье, и при дневном свете оно кажется слишком откровенным — уставилась на незнакомца, стоящего на кухне.

Он высокий, как и Вик, широкоплечий, сильный. До мозга костей опасный. Такой скрутит и сломает хрупкую женскую шею за пару секунд.

— Виктор просил передать, что ваша сестра в больнице. Она жива, но ее слегка помяло в давке, — безучастно говорит. — Ваша семья уже знает о случившемся. Но для них вы тоже оказались в больнице, только ваши травмы легкие. Поэтому вы и приехали домой самостоятельно. Сегодня утром. Фамилия Гравина не должна упоминаться, — продолжает давить своим тоном, параллельно наливая кофе в чашку.

Я не нравлюсь этому мужчине. Не как женщина, а как человек, представитель клана Либорио. На лице незнакомца играет брезгливость, как если бы я была тухлым яйцом на его тарелке.

— И новый телефон, — кивает на край стола.

Мой остался в клубе, по всей видимости, безвозвратно.

— Через две минуты я жду вас внизу. Мишель Либорио.

Выпив кофе за два глотка, уверенным шагом идет к двери. Нет, я не как тухлое яйцо, а как язва, вызывающая у него жуткие боли.

Надеюсь, Виктор сдержит свое обещание, и его люди меня не тронут, несмотря на то, их желание свернуть мне шею читается в глазах бегущей строкой.

Глава 13. Виктор

На часах ровно шесть утра. Пожарные свернули рукава, танцпол выстелен трупами, стены изуродованы черной гарью.

Едва переступив порог кабинета Габриэля, чувствую сначала резкий, едкий запах порохового дыма. Поверх него быстро поднимается густой металлический запах крови: холодный, влажный, с привкусом медной монеты.

А вот трупный запах не сразу бьет в нос — прошло слишком мало времени. Но все равно сладкий запах смерти заполняет каждый сантиметр легких.

— М-да… — Габи обходит свой кабинет.

Следую за своим боссом, убирая пистолет за поясницу. В клубе еще кто-то мог остаться в живых. Брат переворачивает ближайшего к ногам парня и брезгливо толкает носом дорогих ботинок безжизненную тушку. На груди, чуть ниже ключицы**,** мы видим цветную татуировку — розу. Символ принадлежности к враждующему клану.

— Теперь мы уверены, что это Либорио, —цедит от гнева, слова еле различимы, будто онемевшим языком.

— Были еще предположения?

Габриэль из верхнего ящика стола достает острый нож, подходит к трупу, горло которого перерезал Ромеро, и срезает кожу с татуировкой. Все действия брата пронизаны ледяным спокойствием. Мы делали вещи и похуже. Намного, намного хуже.

Одним нажатием кнопки на стационарном телефоне вызывает к себе одного из наших парней.

— Упакую, отправь им к обеду, — не обращает внимания на испачканные пальцы.

Солдат кивает, взяв кусок кожи в руки, не поморщившись, и скрывается за дверью.

Мне хочется попросить открыть окно. Дышать невозможно. Спертый, наполненный металлическим привкусом воздух вцепляется в носовые рецепторы, будто у того есть клешни. Это моя самая нелюбимая часть работы — ненавижу грязь и смрад. Сейчас я в центре этого «цирка».

— Что по потерям? — сухо спрашивает.

Эта война порядком надоела. Наши люди тоже гибнут. Когда другие кланы укрепляют связи, усиливают свое влияние квартал за кварталом, мы будто бы в меньшинстве. Слабеем с каждым днем.

— Двадцать два, — достаю из кармана сигарету. Прикуриваю. Затянувшись, смахиваю пепел на труп под ногами.

— У них?

— Ребята насчитали тридцать четыре. Но уверен, есть раненые, кого могли вывезти с территории. О их судьбе мы уже не узнаем.

Ночка была кровавой. Основную часть бойни я был вынужден пропустить. Мой босс в безопасности, семья выведена из эпицентра. А потом… В меня вписалась Мишель.

Немного отлегло, что девица Либорио смогла выбраться из заварушки целой и невредимой. Ее сестра тоже хитро нырнула в ближайший запасной выход. Там, правда, ту зацепило и помяло. Не думал, что буду рад, что две жизни Либорио выбрались от Гравина. В противном случае, это бы подпортило мои планы.

Ну и Мишель довольно красивая, чтобы умирать. И ее губы… мягкие, податливые, горячие, вопреки моим ожиданиям. Девка тряслась, словно ее вытащили из ледяной ванны.

— С этой минуты каждый представитель Либорио не просто наш враг, он — мишень, куда необходимо выстрелить на поражение, — цедит сквозь зубы Габриэль.

Сигарета истлевает между моих пальцев, пока я уставился на брата не моргая. Отчего-то под кожей засвербило. Я же обязан обо всем рассказать боссу. Это моя обязанность и как Исполнителя, и как брата. Но я лишь подношу сигарету к губам и глубоко затягиваюсь, пока легкие не наполнятся ядом под завязку, а я не закашливаюсь.

— Каждый Либорио, — забивает тоном очередной гвоздь в мой план. — Мужчина это или женщина. Приказ донести до каждого солдата.

— Радикально, — единственное, что произношу.

Хотя по большому счету мне плевать на всех Либорио, а Мишель нужна только, чтобы добраться до Итана и Джинны. Так? Девицу Либорио мне как сам Бог послал, хотя он вряд ли смотрит на нас. Господь отвернулся, когда наши головы показались из промежности матери.

Гравина. Древняя фамилия. Наши предки — могильщики. Они поднялись за счет того, что копали могилы. Это всегда было прибыльным бизнесом, потому что люди умирали всегда. Особенно ценились услуги могильщиков во время нашествия чумы и оспы.

Имея прямое отношение к смерти и беря за это приличную плату, Господь скорее плюнет на весь наш род, чем будет помогать по жизни. Хотя мы существуем уже несколько веков. Уверен, предки точно заключили сделку с кем-то посильнее Бога.

— Как Исполнитель, я должен спросить, откуда мне брать солдат, если за один вечер мы лишаемся двадцати человек, за другой — двух. А завтра?

Мы схлестываемся взглядами.

— Я подумаю, как это решить.

Киваю и собираюсь покинуть обитель босса.

И чем ему приглянулась эта каморка в клубе, когда полно офисов с прекрасными видами? Правда, могильщики мы. Габриэль работает в гробу, я без жалости перерезаю артерии, укладывая в гроб, близнецы устраивают «похороны», ну а Ромеро, самый младший, молча провожает всех в последний путь. Взгляд у него такой… ангельский, хотя сердце — камень.

— Вик?

Останавливаюсь, когда спину прожигает настойчивый взгляд старшего брата.

— Брак. Самый верный способ укрепить наше положение, усилить власть**,** и… увеличить количество солдат — жениться.

Как собираются сделать это Либорио. Наш город одновременно большой, но слухи по нему расползаются как тараканы на свету.

Борго принадлежит квартал, граничащий с пристанью. Все поставки по морю проходят через него. После свадьбы Элио с Мишель наш бизнес может быть под угрозой. Учитывая, что добыча алмазов пока находится под властью Либорио, а они точно не отдадут эту ветвь без боя, в нашем списке остается пара-тройка второсортных дел.

— Двадцать девять лет — отличный возраст, — добивает меня брат. — По нашим законам мужчина клана обязан жениться до тридцати.

Тридцать мне исполнится через два месяца.

Мне ничего не остается, как кивнуть в знак согласия. Со мной говорил босс клана, а не брат. И я обязан принять его слова и в дальнейшем выполнить приказ.

Надеюсь, он не будет мне мстить за тяжелое детство — я был еще тем подонком — и предоставит мне выбор жены, а не подсунет вслепую какую-нибудь некондицию.

Выйдя из клуба, вновь тянусь к пачке сигарет.

— Черт! — сминаю пустую пачку и выбрасываю ее в ближайшую урну. Стараюсь выглядеть спокойным, хотя внутри разгорается вулкан.

Фабио, моя верный подручный, протягивает мне свою пачку. Морщусь.

— Ментоловые? — хоть волком вой от досады. Терпеть не могу ментоловые, но из-за тяги к никотину с каждой минутой только усиливает раздражение. Руки сами тянутся к губам. — Мишель отвез?

— Допустим.

По голосу понимаю, что ему мой приказ чертовски не нравился. Скашиваю свой взгляд и сканирую Фабио. Он мой человек до мозга костей. Но все же Габриэль главнее. Если Фабио прижмут, он будет обязан рассказать все по секундам.

— Отправь отцу Мишель фотографии того, как она развлекалась в клубе.

— Странный план, — говорит только когда докурил свою сигарету. — Если ты собирался встретиться с ней снова, то я бы сказал план говно, шеф. Прости. Ее же накажут, запрут. Или отправят на другое побережье до самой свадьбы.

Тихо усмехаюсь. Только мне известно — Мишель не позволит так с собой поступить. Она довольно упряма и несколько хитра. Но вынужден пойти на риск, чтобы Либорио связалась со мной. В моем распоряжении не так много времени.

Мимо нас проносят трупы солдат Либорио и скидывают их в одну кучу. Теперь гнилостный запах преследует меня и на свежем воздухе. Эту мерзкую сладость не перебивает и ментол.

— Если ничего не делать, Джинну мы можем больше не увидим. Слишком кровавой стала эта война.

Глава 14. Мишель

Человек с неприятной внешностью останавливает машину на границе кварталов. Старая кондитерская и магазин запчастей каких-то древних авто. Скорее всего, вывески лишь ширма для серых схем.

— Дальше сама, — говорит сопровождающий, не посмотрев на меня и в зеркало заднего вида.

Больно надо!..

Хватаюсь за ручку двери. Взгляд улавливает движения на улице напротив. Там двое парней, один постарше, другой возраста Итана. Их цепкие взгляды шкрябают по мне точно наждачка, хотя через тонированные стекла меня вряд ли видно.

Это не обычные люди, а охранники границ. Они видят больше, слышат лучше, их реакции позавидуют гепарды.

— Спасибо, — произношу едва слышно. Мужчина не отвечает и даже не кивает в знак того, что принял благодарность.

Выхожу и захлопываю дверь. Машина тут же срывается с места, выбивая из-под колес облако пыли. Она забивается через ноздри, провоцируя приступ кашля.

Несмотря на утреннюю жару, холод бьет изнутри.

Охранники приближаются не спеша. Оценивают меня издалека, строя догадки в голове, как дочь Либорио могла оказаться здесь в такое время и в таком виде. Им плевать на людей, спешащих вокруг по делам. *Мы* всегда будем выделяться из толпы.

— Мисс Либорио, — тот, что постарше, делает едва заметный кивок.

— Мне нужно попасть домой, — сухо говорю. Со стороны это может показаться приказом, когда женщина, даже дочь главы клана, не имеет права отдавать приказы обычным служащим, солдатам и уж точно не охранникам границы.

— Разумеется, — отвечает без издевательских ноток в голосе. — Вам нужна еще какая-либо помощь?

— Воды. Я хочу пить.

Через три минуты мне подают машину и вручают закрытую бутылку воды — открываю, измучив пальцы. От волнения руки дрожат.

Я уверена: семья, особенно отец, знает о наших с Бекки приключениях. Меня ждет суровое наказание. От одного ожидания и неизвестности — мы никогда не знали, каким оно будет — сердце разрывают частые безумные удары. Грудная клетка не выдерживает такого напора, я задыхаюсь и всерьез думаю, что лучше бы Виктор Гравина пристрелил меня на месте как своего врага.

Меня везут по центральной авеню, через главное отделение банка и сети ювелирных магазинов — один из главных бизнесов Либорио, построенном на сотнях убийствах, травлях, рабском труде и миллиардах денег, покрытых несмываемой кровью.

А так… Наш квартал считается образцово показательным. Не в плане роскоши, а, скорее, чистоты и «благоразумия» — слова матушки. Благодаря родительнице у нас чего только нет: благотворительные балы, воскресные церковные встречи, множество магазинов, маленьких кондитерских, аккуратные аллеи и скверы.

Здесь все слишком причесано, слишком правильно. Идеальная картинка. Будто кто-то однажды решил, что наш район должен стать примером для остальных.

Машина останавливается у высоких черных ворот. Дальше я должна пройти сама — входить на территорию позволено не всем.

По дороге от ворот до дома я иду как на эшафот. Мама стоит на крыльце перед входной дверью.

— Я все могу объяснить, — говорю глупую фразу.

Удар.

Сильная пощечина растрескивает кожу губ. Они окрашиваются в винно-красный, на языке растекается противно-соленый привкус, вызывающий приступ паники. Мне тяжело переносить вид крови, чувствовать ее, касаться… глотать.

— Ты гадина, Мишель. Самая настоящая неблагодарная дрянь!

Мама не кричит, не цедит гневным шепотом. Каждое ее слово точно холодная свинцовая пуля. У нее нет сожаления, человечности, любви. *Она выпущена убить.*

— Как ты посмела нарушить правила? Ты опозорена.

«Я всего лишь сбежала в клуб повеселиться, расслабиться», — так следовало бы ответить, но вовремя вспоминаю, что это лишь сильнее разозлит матушку. Второй удар выпустит больше крови.

— Если Элио откажется от сделки из-за твоей выходки, а поверь, его уже осведомили о твоем своенравном поступке, то тебе придется искупить свой грех, пока отец не решит, что с тобой делать.

От сделки… Я думала, это называется браком. Мысленно хмыкнув, поднимаю взгляд на матушку. Ее глаза черные-черные, как неизведанная субстанция, поглощающая весь свет.

Мать подталкивает меня к двери. Чувствую, как ей противно до меня касаться. Как будто измазана грязью.

Отец встречает меня у лестницы. Его руки скрещены на груди, на тыльной стороне левой ладони виднеется большой и уродливый шрам от ожога — результат нападения Гравина. На расстоянии чувствую волны гнева. Но не те, что разрушают подобно урагану. Эти намного хуже. Они как удары ядерного оружия, вызывающие лучевую болезнь.

Тело клетка за клеткой, молекула за молекулой гибнет от многочисленных ударов тихого, но опасного гнева. В этом весь *Витто Либорио.*

— Ты сбежала с вечера, на котором присутствовал твой жених? — спрашивает скрипуче тихо.

Он знает ответ, но требует от меня, чтобы я вслух обозначила причины своего наказания. Унизить меня за то, что в обычных семьях было бы нормой. Ну кто в девятнадцать лет не сбегал из дома в клуб?

Опустим тот момент, что на этот клуб напали и ты была в потенциальной опасности. Об этом, кстати, пока никто не обмолвился. Я же могла умереть! Родителям важнее другое: я ослушалась, я «неправильная» Либорио.

— Да.

— Ты веселилась, когда здесь сидел Элио Борго? Твой будущий муж?

— Да.

— Ты опозорила фамилию Либорио?

— Да.

— И готова понести за это наказание?

— Да, — воздух застревает в горле на последнем слове.

Из столовой выходят две женщины. В серо-коричневых брюках и пиджаке. Их волосы убраны в одинаковую прическу-пучок. Ни грамма косметики на лице. Они выглядят солдатами в женском обличие, но только крепче, объемнее. Как надзиратели из женской тюрьмы. Наверное, это они и есть. Наказывать женщин могут только женщины, мужчины не имеют права их касаться.

Надзирательницы хватают меня под руки с двух сторон. Удерживают сильно, будто я опасная неуправляемая преступница.

Отец подходит ближе. Его корявая ладонь с ожогом касается моего лица. Пальцы вжимаются в щеку, большой палец вдавливается в подбородок.

Он вынуждает смотреть в его белесо-мутные глаза — они не заплывают черным от зла, потому что злость — это эмоция, а любая эмоция когда-нибудь стихает. Вито Либорио с рождения являлся олицетворением всех пороков. В его мозгу никогда не было никаких эмоций. Он просто ничего не чувствует — поэтому его взгляду не от чего темнеть.

— Ты сбежала к нашему врагу и веселилась под его крышей. Ты нарушила все правила моего дома и всего клана. Тебе захотелось свободы, почувствовать себя в центре огня, привлекающий внимание всех?

Глаза расширяются от шока. Мне не хочется верить в то, что я слышу.

— Твой побег был сюрпризом для меня, но я не спешил догонять. Я решил посмотреть, куда ты зайдешь в своем *греховном желании.*

Пожар был устроен из-за меня.

Из-за меня и погибли простые люди.

— Да, ты права. Я отдал приказ через пять минут, как ты оказалась в колыбели порока. Пансион так ничему тебя и не научил. Придется снова взяться за твое воспитание, и… остудить твой пыл, твои желания, амбиции. Тебе стоить вспомнить, как быть смиренной

Кивнув надзирательницам, отец возвращается в свой кабинет. Меня уводят под руки, почти выпихивают, в подвал. Красные стены здесь настолько въедаются в глаза, что они начинают болеть.

Здесь как в морозильной камере. Предположила бы, что это идеальное место, где хранят трупы. Разложение здесь точно замедлится дней на… вечность!

Меня колотит от этого холода, страха и той неизвестности, что сковывает все движения и по-детски хочется кричать, чтобы отпустили. Молить о прощении и обещать так больше не делать.

В прошлый раз я слезно падала в ноги отца, но бесполезно. Его не берут ни слезы, ни вопли, ни детский плач, ни угроза жизни своему ребенку. А я всего лишь посмела подружиться с мальчиком, сыной нашей кухарки. Для тринадцатилетней девушки это каралось заточением и публичным отрезанием волос.

Сейчас все намного хуже. Меня заводят в небольшое помещение без единого окна, крошечное — через него даже тарелку супа не подать. Под потолком проходит широкая водопроводная труба, с которой то и дело капает. На полу влажно, пыль и грязь сбилась в комочки.

Толчок — и я падаю на колени. Кожа на ладонях царапается, мелкие ранки тут же начинает ныть и пощипывать.

В углу со сцепленными над головой руками висит Бекки. Голая. Она напугана настолько, что я не сразу узнаю в ней ту бравую, немного безумную девчонку. По ее щекам беззвучно катятся слезы.

Бекки поняла, что кричать и молить бесполезно. На ее теле многочисленные ссадины и синяки — последствия нашей ночи в клубе. Очевидно ее успели привезти из больницы сюда, пока я добиралась от границы до дома.

— Раздевайся! — кричит одна из надзирательниц.

В испуге оборачиваюсь.

— Зачем? — кошусь на Бекки. На ней ни клочка одежды.

— Раздевайся, — цедит. От удара за непослушание ее останавливает только то, что я не в тюрьме, а моя фамилия пока еще что-то значит.

Я медленно стягиваю с себя платье.

— Трусы с лифчиком тоже.

Делаю два медленных вдоха и выдоха. Кажется, температура воздух снизился еще на несколько градусов. Моя кожа синеет.

Щелкаю застежкой и откидываю от себя лиф, затем снимаю трусы и бросаю их в кучку одежды. Стеснительно прикрываю себя руками.

Надзирательница номер два привязывает цепью мои руки к крюку в потолке и отходит за шлангом у противоположной стены. Мы с Бекки испуганно переглядываемся Приказ *остудить* ваши желания будет осуществляться буквально. Я это понимаю по тому, как иголки ледяной воды впиваются в тело. Сильный напор проходится от макушки до пят. Медленно, зло, со смаком. Вода точно расщепляет слои кожи, раскурочивает грудную клетку, вскрывает живот, бьет в промежность и по бедрам. Самое невыносимое, когда поток направляется на лицо.

Пытаюсь вдохнуть — в рот вливается вода, и я захлебываюсь. Открыть глаза невозможно: под веками она действует как щелочь — режет веки, колет глазные яблоки.

Когда все прекращается, тело опаляет холодным жаром. Когда ты будто кипишь, но трясешься от пронизывающего каждый сантиметр озноба.

Все повторяется.

Теряю ход времени и перестаю считать, сколько раз меня и Бекки окатили водой. Сестра не выдерживает, и сдается: кричит, плачет, умоляет. Ей больно. Нас никто не избивает, не касается тяжелой рукой, но по всему телу царствует такая боль, словно каждую твою косточку ломают.

— Я отомщу, — заикаясь, шепчет Бекки.

Надзирательницы ушли, оставив нас привязанными. В плечах сгущается невыносимая тяжесть. Впервые я точно ощущаю, что значит — онемение конечностей.

— Клянусь, они у меня еще поплатятся.

Я думаю лишь о том, что наказание подействовало. Желание уничтожить отца не кажется мне эмоционально горячим. Наоборот — оно запускает свои свежие корни в самую душу, сердце и никакое оправдание этому поступку холодный разум искать не собирается.

Глава 15. Мишель

Нас продержали в подвале с красными стенами и низким потолком сутки или около того. Периодически окатывали водой.

В самые критические моменты, когда силы покидали, запястья немели от боли, а тело почти не ощущалось под ледяным, сковывающим холодом, нас снимали с цепей и кидали в лицо плед, что тут же впитывал воду.

Он пах так, будто его сняли с трупа: потом, жиром и кровью. Стоит хоть чуть-чуть согреться, как нас подвешивали снова. *Пытка продолжалась.*

Мы держались без сна и отдыха. Минуты на полу с опущенными руками и с пледом на плечах за отдых я не считаю.

Сопротивляться не могли, да и это было бы бесполезно.

Когда меня вносят в мою комнату, не сразу ее узнаю. Кровать, шкаф и деревянный стул — все, что осталось от моего интерьера. Даже в пансионе было больше вещей и будто бы… свободы.

Несмотря на то, что он тоже мудак, я знаю, что Итан меня не тронет и пальцем, как бы ни злился. Единственный человек, которому я бы доверилась полностью, если бы не знала обо всей ответственности, которая лежит на нем как на будущей главе клана Либорио. После смерти отца Итану предстоит стать еще жестче и бескомпромисснее.

На следующий день мне вызывают домашнего лекаря, он ставит мне воспаление легких, и следующие три недели я пытаюсь выжить.

Меня навещает только Итан, хотя особо ничего не говорит и не рассказывает. Однажды я слышала прямо за дверью напряженный разговор брата и отца, но не могла разобрать и слова. Хочется думать, что брат хоть как-то пытался защитить меня от родительского гнева.

Ни матушка, ни отец ни разу не зашли в комнату.

* * *

Каждое воскресенье после службы мать устраивает выездные обеды у церкви для прихожан. Никогда не любила здесь бывать. Считала их очередной показушной заварушкой, где принято улыбаться, благодарить Бога и одаривать лживыми комплиментами.

Как только я выздоровела, нас вместе с Бекки притащили на одно из этих сборищ — *очистить в очередной раз свою греховную душу, точно мы черти.*

На мне несуразная юбка, прикрывающая щиколотки, блузка из бабушкиного гардероба и какие-то балетки — в них мои ноги потеют и натирают.

— Элио Борго прибудет через пять минут, — цедит родительница, подойдя проверить, правильно ли я раскладываю еду по тарелкам.

Сильно сжимаю металлическую ложку в руке. Края впиваются в кожу, оставляя следы.

— Будь приветлива. И не натвори глупостей. Тебе повезло, что Элио заинтересован в тебе больше, чем мы думали, — в голосе матери нет и капли тепла.

Или я так привыкла к холоду, что по-настоящему не чувствую ничего кроме него. Он поселился под кожей, окрашивая ее в синюшный оттенок. Я забыла о румянце на щеках, а дрожь в ногах теперь мой вечный спутник.

— Конечно, матушка, — сопровождаю слова едва заметным кивком и цепляю на лицо дежурную улыбку.

Родительница прищуривается и препарирует меня острым взглядом. Она хочет видеть правильную дочь? Она ее получит.

Глаза матери продолжали жечь мне спину, когда я иду к церкви. Изо всех сил стараюсь держать осанку, подавляя желание ссутулиться под этим невыносимым давлением.

— Мишель? — окрикивает она, заставив замереть на месте.

Поворачиваюсь не сразу, лишь после того, как делаю успокаивающий вдох и выдох.

— Вечером у нас занятие в вязальном клубе… — она слабо, почти виновато улыбается.

Лицемерие этой женщины поражает снова и снова.

За маской миловидной, благожелательной матери прячется настоящий тиран — расчетливый, умеющий с улыбкой превращать чужую жизнь в клетку.

— Уверена, что ты не против присоединиться к нам. Там будут жены высокопоставленных членов нашего клана. Пора бы тебе познакомиться со всеми поближе.

Я едва заметно напрягаюсь, но не позволяю ни единой эмоции прорваться наружу.

— Разумеется. Я… почту за честь, — слова царапнули язык.

Желудок болезненно сжимается, а к горлу подступает ядовитая, удушающая ненависть. Каждый вдох дается с трудом, но я продолжаю смотреть на мать спокойно. *Почти покорно, как ей того и хочется.*

— Иди. Не заставляй будущего мужа ждать.

Отойдя за угол срываю дурацкие рюши с воротника, отбрасываю шляпу. Я бы еще избавилась от юбки, но под ней лишь нижнее белье. Не настолько я обезумела…

— Вы правы: вам этот наряд не к лицу.

Борго стоит у гипсовой колонны в тени церкви. Если не присматриваться, то он походит на статую горгульи, разве что чуть более привлекательную. В остальном же в нем то же каменное, безжизненное оцепенение, будто душа и сердце давно покинули это тело.

— Добрый день, Элио, — с усилием заставляю себя улыбнуться и стараюсь, чтобы в моем взгляде не читалось раздражение.

— Как твое самочувствие?

Переходит на «ты».

— Итан мне рассказал, что с тобой приключилось.

Интересно, что же такого мог рассказать мой брат. Наверняка же весь город был в курсе, как дочь Либорио оказалась в клубе врагов нашего клана. Или… нет? Борго смотрит не то с жалостью, не то с пониманием.

— Благодарю. За поддержку, за подарки.

С моей стороны повисает неловкость. Элио рассматривает меня, склонив голову вбок. Наверняка я выгляжу как смерть — бледная, с синяками под глазами, худая. Сможет ли такая болезлая родить наследника?...

Его мысли витают в воздухе как озон после дождя.

— Я хотел бы встретиться с тобой. Ты мало что обо мне знаешь. Познакомимся ближе. Говорят, женщине это нужно для ощущения безопасности. Это одно из условий благодатной и здоровой беременности.

Моя улыбка застывает, ощущается стеклянной и разбивается о его циничные слова. Они ложатся между нами, как тонкие лезвия, и каждое из них режет по-своему, неспешно и точно.

— Почту за честь, — отвечаю ровно так же, как и матери, с интонацией один в один.

Заставляю себя не отводить взгляда. От своей вынужденной игры в покорность и благочестие меня мутит.

Какое-то время мы молча стоим друг напротив друга. Борго разглядывает меня как женщину — я чувствую этот взгляд и позволяю ему так смотреть. Пока совсем не представляю нашу свадьбу и жизнь после. Наш секс, мой первый раз.

Начинает тошнить даже от мимолетной мысли о поцелуе. Нет, не потому что Борго страшный старик с желтыми зубами, просто потому что… он меня не привлекает.

Но интересно, Элио так же нагло будет проталкивать свой язык мне в рот, как это делал Гравина?

— Когда ты думаешь о чем-то приятном, твои щеки слегка розовеют, — вырывает из размышлений Борго. — Хорошего дня, Мишель.

Смотрю на его спину, облаченную в черный пиджак, испытывая противоречивые чувства.

— Борго хороший вариант, Мишель, — Итан оказывается рядом, передавая мне в руки шляпку, которую я выкинула. — Если ты посмотришь на всю ситуацию с холодной головой, то увидишь. Любви в нашем мире нет и не будет. Но Элио дает тебе гарантию безопасности, дарит спокойствие, чистый и тихий дом, где ты можешь заниматься своими делами.

— В ответ я должна всего лишь родить ему сына. Что в переводе: быть изнасилованной мужиком ради ваших дурацких правил о наследнике и прочее.

— Не нагнетай, — прерывает достаточно грубо. — Элио не насильник, а вы, бабы, слишком много думаете о чувствах. Мы все что-то терпим и через что-то перешагиваем. Твоя задача как женщины…

— Позволить себя поиметь, потом в муках родить сына и отправиться на вечерний кружок по вязанию, так? Какие же вы все мудаки! — вновь выкидываю страшную старушичью шляпку и взглядом прожигаю рассвирепевшего брата.

Несмотря на то, что он тоже мудак, я знаю, что Итан меня не тронет и пальцем, как бы ни злился. Единственный человек, кому я бы доверилась полностью, если бы не знала обо всей ответственности, которая лежит на нем как на будущей главе клана Либорио. После смерти отца Итану предстоит стать еще жестче и бескомпромисснее.

— Тебе несказанно повезло, что ты моя сестра. И ты единственная, кого я люблю, — его тон наполнен злостью. — Без глупостей, Мишель. Ты же понимаешь, о чем я?

Итан смотрит на меня так, будто я — его самая ценная и одновременно самая проблемная особа.

Он знает о побеге, о клубе, о… Викторе? Нет, не все по минутам. Сомневаюсь, что кто-то вообще осведомлен о том, где именно я провела ту ночь. Одним подвалом и шлангом с ледяной водой я бы не отделалась. Значит, это все еще наша с *Исполнителем* тайна.

— Пойду готовиться к встрече в вязальном клубе. Может, свяжу себе там удавку и повешусь на ней.

Уверенной походкой выхожу из-за угла церкви. Площадь, где был организован обед, почти опустела. Лишь пара рабочих солдат заносят коробки в припаркованный фургон.

А если убежать? Вот в эту минуту? Обернувшись, я не нахожу Итана. Солдаты слишком заняты монотонной работой…

Пульс подскакивает от волнения, в руках поселяется характерная дрожь.

Шаг, второй.

Солнце светит над головой, стирая с земли тени. Легкое дуновенье ветра облизывает лодыжки и подхватывает ткань уродливой юбки.

Но как бы я ни хотела поставить точку сейчас, это и правда было бы глупо. В кои-то веки готова согласиться с матушкой.

Поэтому я обхожу церковь с другой стороны и направляюсь к телефонной будке на пересечении тихих улиц.

Из сумочки достаю несколько монет, как знала, что пригодятся, и набираю выученный номер. Визитку же пришлось разорвать и выкинуть.

Три долгих гудка, за которые я успеваю прочувствовать каждый натянутый нерв.

Наконец в трубке слышится короткий щелчок.

— Виктор? — спрашиваю, едва на мой звонок ответили.

— Мишель, — раздатся спокойный, с хриплыми, вибрирующими нотками голос.

Он узнает меня мгновенно. От этого по спине пробегает холодок.

Я сглатываю и заставляю себя продолжить:

— Я могу попросить о встрече?

Шорох на другом конце заставляет сердце биться на предельных скоростях. От взволнованности едва удерживаюсь на ногах. Воздуха не хватает. Ловлю ртом короткие, рваные вдохи, стараясь не выдать собственного волнения.

— Сегодня в восемь. Я буду ждать тебя за поворотом твоего дома.

— Но я… — вырывается прежде, чем успеваю остановить себя.

Уже сбегала так!

— Ты поймешь, когда и как сбежать на этот раз правильно, — голос становится ниже и от этого только опаснее.

И Виктор сбрасывает звонок.

Глава 16. Виктор

Отключаюсь и перевожу взгляд на близнецов. Под глазом у одного красуется яркий фиолетовый фингал, губа разбита. Его удерживает один охранник, а второго брата — Фабио.

— Вместо вас за ювелиркой иду я, — отрезаю тихим голосом, — и молитесь, чтобы Габриэль не узнал и вообще не интересовался вами в ближайшие пару дней.

Ромеро делает шаг вперед. На близнецов в этом деле ложились определенные обязанности, но, кажется, они неправильно трактуют приказы.

— В главный салон идем мы с Ромеро, Фабио и пара моих солдат, — говорю медленно, — а этих… — киваю на близнецов, смотрящих волком на всех вокруг, дышат, как драконы, чуть ли не сопли пускают пузырями, вырваться пытаются. — В подвал!

— Завалю вас, — кричит Маттео.

— Ненавижу! — разрезает воздух яростный голос Этторио.

— На цепь их и показать, что значит — нарушать приказы, — даю наставление своему солдату.

Эти двое безмозглых и неуправляемых близнецов почти напали на салон Либорио до обозначенного мной времени. У них, как выразились, закончилось терпение, и они решили позабавиться, сняв погром на видео. Верх идиотизма.

Схему захвата магазинов, которую я планировал несколько недель, близнецы могли сорвать из-за своего характера и неумения ждать. Мы могли провалить дело, если бы не Ромеро. Он давно понял их намерения и вовремя доложил.

Этторио назвал его предателем и обещал повесить на люстре в столовой, когда младший брат оказался более правильным членом клана, чем эти два недоумка.

Клянусь, если бы между нами не было кровного родства, я давно поотрубал бы им руки за то, что лезут не в свое дело, отрезал языки за дерзость, и переломал бы ноги за спешку. Маттео с Этторио несказанно повезло.

— Я расскажу Габи! Он вас на ремни порежет! — слышу обезумевшего от гнева Маттео.

— На ремни он порежет тебя, если только узнает обо всем, — шепчу и устало вздыхаю.

Звуки удаляющихся шагов и криков вконец стихают.

Я возвращаюсь в свое кресло, мазнув взглядом по Фабио, ждущего моих указаний, и такому же Ромеро.

Вибрация телефона на столе заставляет остановить поток мыслей. Нахмурившись, разглядываю строку незнакомых цифр. Она? Не она? После того как я подставил Мишель, я надеялся на ее звонок раньше, но девчонка как в воду канула. На какое-то время я даже успел забыть о своем намерении зайти в логово Либорио через Мишель. Потом до меня дошли слухи о болезни единственной дочери главы клана.

Сердце странно отзывается на незнакомые мне номер. Все же *она*.

— Через три часа боевая готовность, — говорю парням и киваю на дверь.

Они беспрекословно слушаются. Только Фабио в последний момент кинул на меня многоречивый взгляд.

— Виктор? — ее голос я узнаю сразу, хотя он звучит неуверенно с надрывными нотками, как бы девчонка ни старалась звучать уверенно.

— Мишель.

Губы растягиваются в хищной улыбке. Мысленно ликую. План все же в действии.

Договариваюсь о встрече. Мне придется немного переиграть сегодняшний вечер и изменить кое-что, но так у меня будет алиби, а после нападения на магазин большая часть солдат Либорио будет занята другим — явно не охраной Мишель. Все складывается как нельзя лучше.

За час до назначенного времени подъезжаем на обычных, ничем не примечательных машинах к главному ювелирному салону Либорио. То же самое проделывают мои люди с двумя другими. На карте они отмечены как салоны «1», «2» и буквы «Б» — бриллианты. Там имеется хранилище самых редких необработанных алмазов, которые идут на экспорт не тем людям — то, из-за чего Гравины хотят забрать этот бизнес себе. Мексиканские картели могут явно привнести проблем в наш город.

Карту с наименованиями салонов добыл наш человек в их рядах. Последние дня Либорио сконцентрированы на видимом наращивании силы и забывают о более тщательной проверке своих солдат.

Первое — вырубаем камеры. Второе — подбрасываем взрывчатки у запасных выходов. Только потом смело заходим в салон, надев маски. Разбиваем витрины, но берем только то, что добыто на шахтах, принадлежащих Либорио, и вместо украшений оставляем… отрезанные пальцы рабочих шахты.

Все действия с шахтами были проделаны за пару часов до нападения на салоны — четко, тихо, как часы. Никто не успел ничего передать и даже пискнуть.

Быстро рассаживаемся по тачкам и нажимаем кнопку на пульте управления взрывчатками. Три салона взрываются, здания охватываются огнем на глазах — небольшая месть за «Grave». Но спустя пять минут прибывает машина пожарных. Либорио должны увидеть наши послания в целостности и сохранности, а не лицезреть пепелище.

Фабио отправляю на склады, куда привезли награбленное. Ромеро — к Габриэлю. Пусть парень учится докладывать о проделанной работе, а я…

— К дому Либорио. Нужно посмотреть на действия врага со стороны, — достаю из бардачка пачку сигарет и неторопливым движением снимаю пленку и вынимаю одну сигарету.

Внутри от всплеска адреналина кипит.

— Может, мне с тобой? — Фабио прищуривается.

Терпеть не могу, как мой подчиненный пусть и скользким, но намеком показывает о своей осведомленности моих планов, которые я не оглашал. Еще и проскакивает доля осуждения. Хочется отряхнуться от настырного неодобрительного взгляда, как от дорожной пыли.

— Не стоит. Твоя задача — проверить солдат.

Фабио кивает, а я, добравшись до офиса, ополаскиваюсь, переодеваюсь в черные джинсы, футболку и косуху. Беру мотоциклетный шлем и взбираюсь на резвого коня. Незадолго до границы сворачиваю, чтобы поменять номера на номера нейтральной зоны, и, сорвавшись на максимальную скорость, доезжаю до поворота к поместью Либорио. Оттуда на меня несется целая вереница черных бронированных машин.

Мою улыбку не видно за шлемом, но она самая широкая из возможных. Паника врага вызывает необъяснимый восторг. Лишиться огромной поставки алмазов для мексиканцев… Их точно не погладят по голове.

Сейчас Мишель проще выбраться из дома. Проблем у ее семьи в эту минуту много, и им явно не до местонахождения девчонки.

Она показывается спустя десять минут. Спортивные штаны, футболка с изображением какой-то принцессы — эту вещь будто откопали на чердаке, и сама Мишель не в восторге от нее.

Худая и бледная, как смерть. Взгляд только горит. То ли яростью, то ли желанием мести. Этот огонь мне знаком.

Как только Мишель оказывается поблизости, кладу ладонь на ее шею и, слегка сдавив, подтягиваю девчонку к себе. Ее грудь упирается в мою. Под пальцами я чувствую бьющуюся жилку. Страшно?

Зрачки расширяются. Взгляд мечется по моему лицу.

— Ты просила о встрече. Зачем?

Мишель качает головой, ведет плечом. Если ей страшно, то последнее, что она сделает, сознается в этом. Или чувствует, что пока я не несу для нее реальную угрозу? Девица одна из тех, кто правда умеет это чувствовать.

— Садись, — протягиваю второй шлем.

Девчонка смотрит на него и неуверенно протягивает руку. Она пока еще не сказала и слова.

— Нельзя. Заметят, что я убежала, и…

— Не заметят. У тебя в запасе есть часа три.

Мишель стоит, потупив взгляд. Ее нерешительность раздражает, но не потому, что не понимаю ее природу. Все куда банальнее — я теряю время.

— Быстрее. Один, два…

Завожу мотор, задеваю шлем. Со счетом «три» я уеду.

— Стой! Если меня снова поймают, я все расскажу, Вик.

Мое имя ее голосом вызывает несколько дополнительных ударов сердца. Стало до жути интересно, с какой интонацией она произнесет его на пике удовольствия.

— Я расскажу, что ты украл меня и заставил поехать с тобой силой.

— Уже испугался. Садись, Мишель.

Либорио, недовольно вздыхая, берет шлем и надевает его на свою растрепанную голову. Девица точно спешила на встречу ко мне. Едва она успевает сесть и положить холодные руки на мой торс, срываюсь с места.

Глава 17. Мишель

Сбежать в этот раз было проще. Словно кто-то невидимой рукой вел меня по коридорам нашего поместья.

Сев на мотоцикл Виктора, я вдруг отчетливо поняла, что моя жизнь меняет вектор своего направления. Дело не в предстоящей свадьбе с Борго, не в проснувшейся ненависти к родителям или желании уехать из города, причина в нем — в мужчине, чей торс обхватываю ледяными от страха пальцами.

Гравина чувствует мой страх и, как голодное и дикое животное, питается им. Жаль, что женщин клана Либорио не учат главному — не бояться своих врагов.

Его черный металлический конь пролетает по проспектам, как птица. Мое сердце колотится в сильную спину Виктора молотком. Спальный район, казино, ночные клубы, бизнес-центры, парк аттракционов, церкви… Он решил мне показать наш город?

Проблема в том, что я не могу спросить, куда именно везет меня Гравина. Мои слова попросту утонут в потоке ветра.

Виктор останавливает мотоцикл на границе темного квартала, что носит негласное название *«Мертвая петля»*.

— Не говори, что мы пойдем туда, — киваю на улицу, поглощенную мраком.

— Там никто нас не узнает. А если и узнают, то не донесут. Обо мне — моему боссу, о тебе — твоему отцу.

Вик забирает мой шлем и вешает его сбоку мотоцикла. Свой берет в левую руку, а правую… протягивает мне. Вижу выпуклые вены на тыльной стороне, редкие темные волоски и несколько затянувшихся шрамов. Об его руку тушили сигареты. Давно-давно, может, в детстве.

Шумно сглатываю, и вязкая слюна тяжело проваливается в горло липким комом по пищеводу. Ноги приросли к полуразрушенной плитке. Я в прямом смысле на границе двух миров.

— Ты же сам говорил, кто находится в «Мертвой петле», — бросаю взгляд то на протянутую руку Гравина, то на кажущуюся пустой улицу запретной зоны.

— И им нет до нас никакого дела, — Вик теряет терпение. Это видно по его движущимся желвакам.

— Ты отвечаешь за мою жизнь, Виктор Гравина! — говорю голосом, полным высокомерия. Очень надеюсь, что после такого обращения он не кинет меня здесь из-за своего задетого эго. Мало кому из женщин позволено так общаться с высокопоставленными мужчинами.

В глазах моего врага затанцевали резвые смешинки.

— Безусловно, — сладким тоном говорит, в котором все еще сквозит нетерпение.

Кладу свою ладонь в его, и он зажимает ее пальцами, как тисками. Даже если захочу вырваться, меня ждет фиаско. И как к этому относиться, пока не знаю. Я иду в квартал «Мертвая петля», наполненный наемниками, психами, проститутками, торговцами всего плохого в этом мире, за руку со своим врагом. *Блеск, Мишель!*

Вик глушит мотор, бросает байк и ведет меня вглубь первой улицы квартала — отсюда начинается та самая «Мертвая петля». В е конце нас встречают двое субъектов с отталкивающей внешностью. От них разит гнилью, желтые зубы скалятся в кривых ухмылках, а в глазах плещется неприкрытое безумие.

Крепче сжимаю руку Виктора.

Центральная улица оглушает своим гомоном. Под ногами грязь, стоит вонь, на каждом шагу то воры, то проститутки, то мужчины, которых смело можно назвать палачами. Выглядят они именно так.

— Это смотрители, — объясняет Вик, увидев мой интерес. — Даже в таком хаосе нужны те, кто будут его контролировать.

Повсюду бродячие псы. Не дай бог оказаться здесь одной.

Гравина словно знает, куда идти. Каждый его шаг уверенный, в отличие от моего. У меня ноги заплетаются не от скорости, а от черноты, которая здесь вечный спутник даже в полдень.

Вик открывает дверь заведения с полусломанной вывеской «Бар «У Тома»». Останавливаюсь в самих дверях, вырвав ладонь из ослабевшей хватки.

Занято всего пара столиков.

— Туда, — подталкивает меня к угловому столу, положив горячую ладонь на мою поясницу. Вдоль позвоночника скоростным вихрем пробежали токи.

В баре пахнет алкоголем, сигаретами и нечистотами. Но помимо этого отчетливо чувствую аромат одеколона Виктора. Это единственное спасение от тошноты.

— Два джина с тоником, — Вик делает заказ бармену.

— Я не буду здесь пить, — шиплю как змея, некрасиво перевалившись через деревянный липкий стол. Громко говорить здесь будто бы запрещено.

— Будешь. Это Том, и он делает хороший джин с тоником, — Виктор потешается надо мной. — Том, подтверди! — Гравина громким голосом просит мужчину в возрасте.

Тот кивает, натирая бокал полотенцем не первой свежести. Я брезгливо морщусь.

— Принцесса, — тихо утверждает.

Молча ждем, пока так называемый Том поставит перед нами напитки.

— Слушаю тебя, Мишель. Зачем я тебе понадобился?

Вик берет бокал и отпивает, глядя на меня взглядом повелителя поверх толстого стекла. Его горло дергается, когда он глотает. Язык проходится по губам, слизывая остатки джина. Глаза оценивающе прищурены.

Какова будет цена за услугу?... Жизнь? Деньги? Предательство рода? Честь?

Картинка принцессы на моей груди начинает жечь и липнуть к коже. Я не успела надеть под футболку даже банальный спортивный топ.

— Я хочу… исчезнуть.

Схватив коченеющеими пальцами ледяной стакан, подношу его к губам. Огненно-лимонная жидкость касается языка, обжигает небо и стекает в желудок расплавленной лавой. Алкоголь ударяет в голову почти мгновенно — пустота внутри реагирует первой. Последний раз я ела в полдень, и то лишь овощной бульон.

— Исчезнуть? — Вик смакует это слово, пробуя его на вкус как незнакомую конфетку. Что-то нехорошее отражается на его лице. — Причина?

Шумно выдыхаю и делаю еще пару глотков.

— Меня выдают замуж, если ты не в курсе. И ты прекрасно знаешь, что путь избежать этого лишь один — исчезнуть.

— Или умереть.

— Не склонна к самоубийству.

— А что твой брат? Он в курсе твоего нежелания, и… желания? — усмехается, будто мы обсуждаем партию игры в покер.

— Я люблю брата, но еще также люблю себя. Он не встанет на мою сторону в этом вопросе, потому что имеет то, что и вы все, — тычу пальцем в сидящего напротив Виктора.

Мой тон наполняется громкими и раздражительными нотами. Коктейль и впрямь хорош, а еще чертовски алкогольный.

— Яйца?

— Представление о месте женщины, — фыркаю от пренебрежения, но все же потом смеюсь. — И не говори, что ты думаешь иначе и все такое, — отмахиваюсь.

Осмелев, разглядываю бар «У Тома» пристальнее: головы животных на стенах, маски из дерева. Ни одного цветочка, да и откуда им здесь взяться? В углу узкая лестница на второй этаж, где я вижу несколько дверей.

— Это будет дорого стоить, мисс Либорио, — Виктор возвращается меня к разговору. — Очень дорого.

— Но ты поможешь?...

Мое сердце бьется в радостных конвульсиях.

После охлаждающего душа я приняла решение бежать как можно быстрее. Убить отца — об этом Виктору знать не обязательно, а потом бежать. Обращаться к врагу, может, и не стоит, но Гравина — единственный, кто *в силах* мне помочь.

Дверь открывается с размаху. В бар входит тот, кого не назовешь смотрителем, палачом и отребьем этого района и в целом мира.

Черные брюки испачканы серой глиной, ботинки покрыты грязью. На рубашке и пиджаке темные следы. Скорее всего, это кровь.

На щеке большой, но старый, белесый шрам.

Глаза — два черных озера, затягивающие на самое тенистое дно и ворующие весь воздух из легких. Взгляд убивающий.

Я дрожу от холода, но даже не пытаюсь отвернуться — незнакомец не оставляет мне выбора. Его энергетика работает как оружие: с пары-тройки шагов она уже способна уложить на месте.

— Зачастил ты к нам, Гравина, — обращается к Вику.

Тот ухмыляется, ни капли не боясь хозяина. Да-да, он истинный хозяин этого места. И под местом я имею в виду не бар, а весь квартал.

Капитан?

— У вас вкусный джин с тоником. У нас нигде такой не делают.

— Пьянство — верный помощник *могильщика.*

Оба мужчины низко смеются, обтачивая свои взгляды друг о друга.

— Не переживай, Капитан, в моих силах договориться.

Мужчина, на вид он немногим старше Виктора, лет тридцать, не больше, обводит быстрым взглядом бар и садится за стойкой, теряя к нам всякий интерес. Но я не дура, чтобы не понимать, что отныне каждое наше слово будет им услышано.

— Нам пора, Мишель, — встает, не допив свой джин.

Неуклюже поднимаюсь, задев ногой ножку стола. Боль растекается по кости. Взгляд мечется по всему вокруг, пытаясь уловить детали. Жалею, что пила на голодный желудок.

У самого выхода Гравина разворачивается и говорит, непривычно растягивая слова:

— До встречи, Капитан.

— Удачи, могильщик. Мишель, — обращается ко мне мужчина со шрамом, делая едва заметный кивок.

Виктор подталкивает меня на выход, где дождь заливает как из ведра. Он стоит стеной, даже дом напротив невозможно разглядеть. Вдали сверкает молния, она ненадолго освещает темные переулки и улочки.

— Всех шлюх разогнал, — бурчит, доставая из кармана пачку сигарет. Закуривает одну и выпускает облака белесого дыма в воздух.

— Что делать? У меня гребаный вязальный клуб! Если матушка…

— Помолчи. Я думаю.

— Думай быстрее, Виктор Гравина, — медленный поворот головы заставляет меня замолчать, но не опустить голову.

— Цена за твое спасение и исчезновение вырастает, принцесса, — опускает взгляд на рисунок на груди**,** и слышу многозначительный хмык.

Из-за прохлады соски заострились, и их прекрасно можно рассмотреть сквозь ткань футболки.

— Как благородно, — обхватываю себя руками. До меня долетают капли, они разрезают кожу. Или это делает взгляд Гравины и его слова.

— Благородство… Еще немного, и я буду воспринимать это как оскорбление. Моя цена — ты, Мишель. Во всех смыслах.

Докуривает сигарету и выбрасывает ее под ноги.

Дождь стихает, или от услышанного шум приглушается из-за осмысления сказанного. Голова гудит, и от этих навязчивых звуков и давления череп разрывает. Мне не послышалось?

Виктор протягивает мне руку, которая тут же намокает. Скольких он убил этой самой рукой?

— Твой ответ? Быстро. Да или нет?

Взгляд Исполнителя вспарывает. Он не оставляет мне выбора, поместив в ловушку в прямом и переносном смысле.

Кладу свою руку, за которую Гравина утягивает и вбивает меня в свое тело. Его губы накрывают мои, и вкус дождя вместе с горьким никотином и кислинкой лимона расползаются на языке. *Жадный поцелуй взрослого мужчины — скрепление нашей договоренности.*

Глава 18. Мишель

Виктор успевает довести меня до того, как машины с моим отцом и его людьми заезжают на территорию поместья. Я, насквозь мокрая от проливного дождя, забегаю через черный вход и устремляюсь к себе.

Охраны почти нет, все выехали на места ограбления наших ювелирных магазинов и их поджога.

Теперь понятно, почему Гравина назначил встречу именно в это время. Он все знал, и это его работа. Я должна в очередной раз испугаться и задуматься о последствиях. Но нет, лишь убедилась, что сделала правильный выбор: Виктор именно тот, кто мне нужен.

С порога стягиваю с себя промокшую одежду. Успеваю обернуть волосы полотенцем, как вдруг в дверь раздается громкий стук, и ко мне входит разъяренная мать.

— Ты где была? — подлетает и хватает за плечо.

Картинки моего пребывания в подвале пролетают перед глазами. Вновь чувствую холод бетонного пола, грязь и цементные крошки под ногами и сковывающую тело воду из шланга. От навязчивых воспоминаний меня словно прошивает током.

Смотрю на матушку не мигая и чувствую, как внутри нарастает тяжелая, липкая паника.

— У тебя две минуты, — говорит и отталкивает.

Едва удерживаюсь на ногах. Понимаю, что и не дышала вовсе в ожидании того, что меня смогли раскрыть.

Мать смиряет злобным взглядом, от которого кожа воспламеняется — пытка, не иначе, — и уходит, хлопнув дверью.

Кажется, опасность миновала.

Какое-то время стою, уставившись куда-то перед собой и переваривая случившееся. Не каждый день оказываешься в запретном районе и заключаешь сделку с Исполнителем вражеского клана за спинами своих родных, которых собираешься подставить.

От масштаба надвигающейся катастрофы накрывает тревогой.

Из шкафа достаю самое простое платье. Скучная длина, невнятный цвет и дурацкий белый кружевной воротничок. У родительницы на них какой-то фетиш.

Отведенные мне две минуты давно прошли. Выбегаю из своей комнаты, чуть не спотыкаясь о ковер. Меня кто-то хватает за руку и без усилия тянет в сторону, заворачивает за угол, где нас не сразу увидят. Только тогда я понимаю, кто это. Бекки.

— Как это понимать? — гневно цедит девушка у самого лица.

Наказание сказалось и на ней. Прошел почти месяц, как нас заперли в подвале. Сестра так и не может вернуть былой румянец на щеках. Она сильно похудела, отчего кажется старше. Сошли подростковые щечки, и одновременно из-за огромных глаз и пухлых губ на бледной фарфоровой коже она походит на куклу с искусственной красотой.

— Я видела тебя. Ты снова сбегала, а спустя пару часов вернулась. С ума сошла? Даже меня мысль перевалить через забор уже пугает.

— Не сейчас, Бекки, — умоляюще прошу, пытаясь высвободить руку, но ее пальцы держат крепко, словно тиски. — Пожалуйста, дай мне пройти, у нас совсем нет времени.

— Рассказывай. Иначе… я все расскажу.

— Не расскажешь. Не смеши. Ты не одна из них, — киваю на коридор, где находятся комнаты моих сестер — молчаливых и послушных девиц.

А замуж почему-то выдают меня… Из той же Анны вышла бы настоящая послушная жена, способная родить наследника. Она была бы даже счастлива такой судьбе.

— Это было до того, как меня *с любовью* окатили из шланга.

— Заметь, сбежать тогда было твоей идеей. Как и с клубом!

Мы общаемся громким шепотом и то и дело оглядываемся по сторонам.

В коридоре темно, тихо. Никого. Но и у стен есть уши — общеизвестный факт.

— И в качестве извинений я промолчала, увидев, как ты линяешь из дома. Мне пришлось прикрывать тебя. Твоя чертова матушка, как охотничий пес, чует заварушки. Ведьма проклятая.

Прыскаю от смеха и понимаю, что Бекки не выдала меня не потому, что хотела так загладить свою вину, а потому что *она — не одна из них.*

— Я встречалась с Виктором Гравина, — выдохнув, говорю.

Глаза сестры буквально ползут на лоб, рот приоткрывается. Надеюсь, я не пожалею, что созналась во всем. Но также понимаю, что мне нужен союзник в доме. Несмотря на то, что мое доверие к Бекки не стопроцентное, больше на роль союзника никто и не подходит.

— Это… Кто-то опасный и запретный? Ну раз ты перелезла к нему через забор.

— Он наш враг. Точнее, враг Либорио. Я заключила с ним сделку. Моя свобода в обмен на…

«Моя цена — ты, Мишель. Во всех смыслах».

Вмиг она из упрямой, своенравной девчонки превращается в девушку, принимающую свою тяжелую судьбу.

Ее взгляд темнеет, она смотрит точно сквозь меня.

— Окажись на моем пути такой же Виктор, я бы тоже продалась с потрохами. К черту этот дом, папашу с его замашками абьюзера и все эти законы, по которым вынуждают нас жить. Как стадо… Клянусь, моя жизнь среди бродяг, шлюх и алкоголиков была куда лучше, и… свободнее.

— Я хочу убежать. Исчезнуть.

— Надеюсь, у тебя все получится, — выдавливает из себя улыбку и, опустив взгляд, уходит, будто этого разговора не было, как и меня в этом коридоре.

* * *

В ожидании сообщения от Гравина проходит три дня, в течение которых я успела раз десять передумать, столько же пожалеть и один раз сойти с ума. Мои нервы от неизвестности натягивались и подрывались каждый раз, стоило мысленно произнести имя врага и вспомнить детали нашей сделки.

На четвертый я получаю приказ.

— Элио Борго заедет за тобой ровно в шесть, — матушка привычно входит без стука, пока я все еще нежилась в постели.

С каждым днем в мою комнату потихоньку возвращаются привычные мне вещи. Мне вернули часть моей привычной одежды, косметику и косметический столик, книги, компьютер.

Всему виной послушание, что требует от меня родительница. Уверена, она даже записывает все в блокнотик.

— Ты можешь выбрать наряд сама, — говорит недовольным голосом, кивая на шкаф.

Понимает, что ее тряпки не привлекают мужчин, а Борго нужно удержать любой ценой. Договор на брак — не равно заключенный брак.

Завтракаю невкусной кашей, а потом меня окружает толпа женщин, собирающие на пресловутое свидание с будущим мужем.

Меня моют, причесывают, делают депиляцию во всех местах, наносят макияж. Но да, платье я все-таки выбираю сама. Ни в какой из моментов не испытываю удовольствия. Наоборот, чувствую себя товаром перед продажей. Без души, желаний и мечты.

Стоя на крыльце поместья, спиной чувствую взгляд. Бекки стоит у окна в главном зале и посылает мне усталую улыбку. Едва заметно поднимаю ладонь и машу ей.

Если постараться вытащить из этого дерьма и ее? Изменится ли цена за еще одну услугу от Гравина?

Машина Элио Борго заезжает на территорию ровно в шесть вечера. Он выходит и отвешивает поклон моей матушке.

— Обещаю вернуть Мишель до двенадцати, — сухо говорит, больше обращая внимание на обстановку — подстриженные кусты, цветы, охранников, чем на мою родительницу.

Борго быстро очерчивает меня взглядом, его губы будто бы недовольно кривятся. На мне короткое черное платье, поверх полупрозрачная кружевная юбка и широкий кожаный пояс. Грудь стянута корсетом.

Я спускаюсь на слабых от волнения ногах, прижимая к себе клатч, словно в нем хранится запасное сердце.

Сажусь в салон, где пахнет дорогими сигарами и тяжелым мужским парфюмом. Он заполняет нос едким дымом, и мои глаза слезятся.

Борго садится рядом и дает знак водителю. Ворота как по волшебству раздвигаются, и мы выезжаем с поместья в направлении центра города. Проделывает тот путь, что и мы с Виктором несколько дней назад.

Молчащий телефон прожигает ткань клатча. Да и с чего я решила, что Гравина позовет меня на встречу по СМС?

Облизнув губы, поворачиваюсь к Борго, которому будто нет до меня дела, хотя сам меня и позвал. Он в очередной раз напоминает мне расчетливого робота.

— Поделитесь, куда мы едем? — спрашиваю.

— Не волнуйся, твоей жизни и чести ничего не угрожает, — с равнодушием отвечает, вздохнув и мазнув взглядом по моим коленям.

От меня не скрывается, как он голодно сглотнул, подавляя в себе какой-то первобытный инстинкт.

— Ты же знаешь, что наш город поделен на районы. За каждый отвечает тот или иной клан, но есть места, где власть немного расплывается.

— Границы, — отвечаю и стараюсь говорить без раздражения.

— Ты права, но еще некоторые рестораны. Мы едем в один из них.

— Почему? На нашей территории есть отличные… — не успеваю договорить, мужчина меня перебивает.

— Потому что там вкусно готовят рыбу.

— И где именно этот ресторан?

— Граница моего района и района Гравина, — недовольно отвечает спустя время. Очевидно, это то, о чем женщина не должна спрашивать, а мужчина не обязан отвечать. — Ресторан принадлежит исполнителю, Виктору Гравина, а я поставляю продукты.

Потому что Борго руководит портом, куда приходит большинство товаров и продуктов в город. Это понятно.

Отворачиваюсь к окну. В груди от одной фамилии Гравина раздувается пожар. За ребрами становится так горячо, что хочется залить внутрь литры воды, снять внезапно возникшее напряжение в каждой мышце.

Понимаю, что могу увидеть Виктора в ресторане. Эта мысль подшпоривает сердце к новым, учащенным ударам.

Нас провожает до крайнего столика длинноногая хостес. Элио по-джентльменски отодвигает мне стул. Взгляд сам собой цепляется за соседний столик. Там я вижу Виктора Гравина в компании какой-то девушки.

Наши взгляды встречаются на долю секунды. Этого хватает, чтобы внутри что-то неприятно сжалось, как пружина. А потом Виктор делает то, от чего у меня беспричинно закипает кровь: спокойно, почти демонстративно, возвращает свое внимание своей красивой спутнице. Я оказываюсь всего лишь случайной деталью в помещении, мимо чьей фигуры можно пройтись взглядом и тут же забыть.

— Наконец-то на твоих щеках румянец, Мишель, — говорит Элио, уткнувшись в меню. — Признак здоровья.

Мне становится дурно от одной мысли, что в его глазах я лишь тело, пригодное для наследника и покорности. И я готова вытошнить свой давно переваренный завтрак. Отвращение к мужчине скручивает желудок и живот.

— Я на минуту, — со скрипом отодвигаю стул и вылетаю из зала в поиске туалета.

Забегаю в мрачное пространство и ладонями опираюсь о стену. Плитка покалывает кожу холодом. Привычно, отрезвляюще…

За спиной хлопает дверь и щелкает замок.

Глава 19. Мишель

Зажмуриваюсь, сильнее вдавливая пальцы в швы между плитками и царапая их своими ногтями. Кожа на ладонях немеет от холода.

По воздуху разлетаются звуки шагов. Пахнет *его* туалетной водой и сигаретами. За малое количество встреч я успела запомнить смесь запахов до мгновенного узнавания.

Пробую найти в себе силы развернуться и встретиться *с ним* взглядом. Я была уверена, что наша сделка начнет работать на следующий день после ее заключения, но нет… У Виктора Гравина свои планы и расчеты, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.